

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИИ ВО ВРЕМЯ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

1. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Смоленская война 1632—1634 гг. имела две непосредственные задачи: династическую и территориальную. Первая из них, т. е. ликвидация прав и претензий Владислава Ваза на московский престол, и, тем самым, закрепление прав Михаила Романова, была достигнута. Поэтому навряд ли правильно говорить, что Смоленская война была проиграна: ведь она закончилась даже не восстановлением *status quo ante bellum*, а известным достижением; пожалуй, патриарх Филарет Никитич был бы за войну, даже если бы она с самого начала сулила только один этот результат. Однако в отношении задачи воссоединения с Московским государством западнорусских, белорусских и украинских земель Смоленская война, действительно, закончилась почти полной и трудно объяснимой неудачей.

В современной историографии, в частности в «Очерках истории СССР», совершенно справедливо выдвигаются на первый план три причины этой неудачи: 1) международные обстоятельства, сорвавшие подготовленный союз Московского государства со Швецией против Речи Посполитой, 2) нападения крымских татар на южные районы Московского государства в разгар Смоленской войны, 3) обострение классовых противоречий в русском тылу¹. Однако для решения вопроса о том, какая из этих трех причин важнее, надо, чтобы они были с равной полнотой изучены.

Что касается истории подготовки русско-шведского союза и его срыва, то эта тема представляется в настоящее время исследованной почти со всей возможной полнотой².

Наши и указанные исследования о русско-шведских отношениях во время Смоленской войны приводят к выводу, весьма существенному для понимания исхода Смоленской войны.

Прошлая научная полемика, как известно, в значительной мере вращалась вокруг вопроса о виновности или невиновности боярина М. Б. Шеина: изменил ли он, или только проявил военную неспособность, или, наконец, стал жертвой боярской ненависти.

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.», М., 1955, стр. 462—475.

² D. Norrman. Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tuska kriget (1630—1632), Uppsala, 1943; О. Л. Байнштейн. Россия и Тридцатилетняя война, Л., 1947; Б. Ф. Поршневу. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал», 1945, № 3; Его же. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1945, № 5; Его же. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории», 1947, № 1; Его же. Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. «Скандинавский сборник», 1, Таллин, 1956.

Источники и специальные военно-исторические исследования П. Бобровского, Ф. Ласковского, Е. Сташевского³ ясно показывают, что армия Шеина под Смоленском в огромной степени превосходила и количеством, и вооружением, и военным искусством польскую армию. Сами поляки многократно признавали это. Можно привести длинный ряд высказываний польских военных и политических деятелей о том, что русская армия под Смоленском была больше и сильнее польской, что благоприятный для поляков финал осады Смоленска является «чудом». Очевидно, что историки не должны анализировать этот финал в плоскости чисто военного соотношения сил, поскольку ведь не произошло никакого решающего генерального сражения, главные русские силы так никогда и не были введены в действие, оружие не было скрещено и не определило победителя и побежденного.

Почему же боярин Шеин со своими превосходящими силами не предпринимал генерального штурма Смоленска? Эта загадка, как и вся проблема поведения Шеина, вполне разъясняется полученным нами выводом, а именно: перед Шеиным была поставлена задача вовсе не взятия Смоленска, а отвлечения на себя и сковывания своими превосходящими силами в Смоленске польской армии в целях обеспечения вторжения другого, русско-шведского наемного войска в Речь Посполитую с запада, из Силезии. Только после начала этого вторжения Шеин должен был возобновить наступление. Пока же польская армия в Смоленске была как бы прикована к нему. Напротив, выйдя на маневренные просторы, армия Шеина не могла бы выполнить этой своей стратегической задачи. Боярин М. Б. Шеин был участником всех самых тайных русско-шведских переговоров, он был, наряду с кн. И. Б. Черкасским, одним из руководителей внешней политики Московского государства, прекрасно понимал поэтому стратегическую задачу Смоленского похода и выполнял ее до последнего этапа совершенно точно, рационально. Все его действия становятся понятными под указанным углом зрения⁴. Гибель Густава Адольфа и явное изменение политики Швеции в сентябре 1632 г., видимо, очень сильно подействовали на Шеина, но все же привели к изменению лишь его тактики. Как политик с широким кругозором, Шеин знал, что в 1635 г. истекает срок польско-шведского Альтмаркского перемирия, когда противоречия Швеции с Речью Посполитой выступят с новой силой. Может быть, он затянул бы сидение под Смоленском до этого срока, если бы, во-первых, не развалилась его армия, во-вторых, не произошли существенные изменения в составе правящих кругов и в политическом курсе Москвы. Словом, причину его капитуляции надо искать в тылу.

Удар в спину со стороны Крыма и косвенное воздействие татарских вторжений на распад армии Шеина под Смоленском также изучены в настоящее время со всей возможной полнотой и обстоятельностью А. А. Но-

³ П. О. Бобровский. Военное право в России, ч. II, СПб., 1886, вып. 2; Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, СПб., 1858; Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние Московской армии, Киев, 1919.

⁴ Задача Шеина в сущности ясно выражена и в соответствующем письменном документе: царском наказе Шеину и Измайлову о походе под Смоленск в 1632 г. (Царские указы о походе под Смоленском. «Чтения ОИДР», 1847, № 7). Это был наказ о походе именно под Смоленск, а не на Смоленск. «А пришед под Смоленск,—говорилось тут,—стать им таборы, где пригож, в крепких местах, и остроги поделать, и рвы выкопать, и всякими крепостями укрепить, чтоб в тех острогах в приход польских и литовских больших людей сидеть было бесстрашно и надежно» (стр. 7). Правда, предлагалось и требовать у гарнизона сдачи Смоленска и, в случае отказа, бомбардировать, и подкопы вести, «и всякими мерами промышлять, чтоб Смоленск взять», но тут же следовала оговорка, что это целиком предоставляется на усмотрение Шеина и Измайлова (стр. 8). Самое характерное, что в наказе ни слова не сказано о том, что надлежит делать после взятия Смоленска (и это полностью выдает замысел составителей), тогда как предусмотрено, что если польско-литовские ратные большие люди, побывав у Смоленска, пойдут к Дорогобужу или Вязьме, то Шеину надлежит с основной частью армии идти за ними и «промышлять над ними» «на походе и на станах» (стр. 10).

восельским⁵. Огромная роль этого фактора в судьбах Смоленской войны теперь неоспорима. Но в то же время А. А. Новосельский показал, что абсолютно никаких татарских набегов на рубежи Московского государства не было с сентября 1633 г. до июля 1634 г., т. е. как раз в течение того почти годовичного периода, когда Смоленская война круто пошла к трагической развязке и завершилась поспешным Поляновским миром в июне 1634 г. Опасность татарских набегов действовала и в это время, но указанный интервал в истории вторжений из Крыма исключает возможность видеть в них главный фактор неудачи Смоленской войны.

В отличие от первых двух, третья общепризнанная причина этой неудачи, а именно обострение классовой борьбы в русском обществе, в сущности еще почти не исследована. Заслуга обнаружения этой третьей причины, если не считать нескольких беглых замечаний у С. М. Соловьева, затем у П. П. Смирнова, принадлежит опять-таки А. А. Новосельскому. Однако последний в своей монографии, естественно, посвятил этому вопросу, выходящему за ее тему, очень мало места, всего одну страницу, воспроизведенную позже с небольшими изменениями и в «Очерках истории СССР»⁶. Соответственно у историков пока не возникало и помысла видеть в обострении классовой борьбы, в социальной обстановке главную причину капитуляции Шеина и подписания Поляновского мира.

Но для решения вопроса, какая из причин была главной, бесполезно обратиться к мнениям современников. При этом русские официальные объяснения не столь показательны, как сведения иностранцев и, особенно, иностранных правительств, нуждавшихся в максимально верной политической информации. Привлекши источники этого рода, мы обнаружим неожиданное, довольно единодушное, в основном, мнение: Смоленская война была прекращена из-за внутренней политической обстановки в Московском государстве.

Приведем прежде всего отрывок из сочинения Адама Олеария. Этот отрывок находится в знаменательном контексте: в центре рассуждения о причинах склонности русского народа к восстаниям. «Русские, в особенности из простонародья,— пишет Олеарий,— в рабстве своем и под тяжким ярмом, из любви к властителю своему, могут многое перенести и претерпеть, но если при этом мера оказывается превзойденною, то и про них можно сказать «*patientia saepe laesa fit tandem furor*» (когда часто испытывают терпение, то, в конце концов, получается бешенство). В таких случаях дело кончается опасным мятежом, причем опасность обращается не столько против главы государства, сколько против низших властей, особенно если жители испытывают сильные притеснения со стороны своих соотечественников и не находят у властей защиты. Если они раз уже возмущены, то их нелегко успокоить: не обращая внимания ни на какие опасности, отсюда проистекающие, они обращаются к разным насилиям и буйствам, как лишившиеся ума.

Великий князь Михаил Федорович прекрасно знал это обстоятельство. Поэтому, когда вернувшиеся в жалком состоянии из-под Смоленска солдаты стали сильно жаловаться на измену генерала Шеина, из-за которой и более высокое лицо не без причины подверглось подозрению, а (при дворе) на первых порах еще медлило суровыми мерами против обвиненного, и, таким образом, грозило вспыхнуть всеобщее восстание, то приказано было обезглавлением Шеина дать народу удовлетворение. Чтобы, одна-

⁵ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, М.—Л., 1948, гл. IV.

⁶ Там же, стр. 221—222; «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.», стр. 473; О. Л. Вайнштейн, приведя некоторые факты о движении Балаша («Россия и Тридцатилетняя война», стр. 174—177), рассматривал их только как партизанскую войну, не оценив их социального значения; к тому же он, изложив с ошибками и неточностями некоторые факты, относящиеся к самому началу движения, далее, вопреки действительности, заявляет: «партизаны бесследно исчезают накануне критического перелома в войне» (стр. 177).

ко, Шеин тем охотнее, без вреда для других, решился на это, применили к нему следующую хитрость: его убедили в том, будто выведут его только для видимости, но казнить не будут: «лишь бы видел народ желание великого князя, а как только Шеин ляжет, сейчас же явится ходоатайство за него, а затем помилование, простонародие же будет удовлетворено». Когда теперь Шеин, утешенный и полный надежды, которую еще более усиливало доверие, по некоторым причинам питавшееся им к патриарху, выступил вперед и лег ничком на землю, палачу был дан знак поскорее рубить: тот так и сделал, несколькими ударами срубив голову.

После этого, еще в тот же день, сын Шеина, также бывший под Смоленском, по требованию народа, был, по их обычаю, кнутом за сечен до смерти. Остальные друзья его немедленно же были сосланы в Сибирь; этим народ был удовлетворен, и мятеж прекратился. Произошло это событие в июне 1634 г. ...

Относительно того, как нрав русских сначала оказывается очень терпеливым, а потом ожесточается и переходит к мятежу, мы ниже, при описании полицейского устройства, поясним примером двух страшных мятежей и бунтов, бывших в России немного лет тому назад (восстание в Москве в 1648 г., в Пскове и Новгороде в 1650 г.— Б. П.)⁷.

Проанализируем этот отрывок из Олеария. Может показаться, что он не заслуживает доверия, так как некоторые детали в нем ошибочны. Прежде всего, событие произошло не в июне, а 28 апреля 1634 г.; но ведь Олеарий прибыл в Москву в августе 1634 г. и узнал обо всем вышеизложенном задним числом, три с лишним месяца спустя; может быть новая вспышка волнений имела место еще раз и в июне, и он просто смешал оба случая. Сын Шеина не был приговорен к сечению, но может быть Олеарий недалек от истины и он все-таки был сечен, так как умер по дороге в коломенскую ссылку⁸; может быть Олеарий имел в виду сына не Шеина, а казненного сына Измайлова. Наконец, Шеин не мог в день казни уповать на патриарха Филарета Никитича, так как тот умер еще 1 октября предыдущего года; однако эта фраза может быть переведена и иначе. Но дело не в деталях, ибо Олеарий писал эту главу двадцать лет спустя по черновым записям и мог сам что-либо не вполне разобрать в них. Что же касается основных черт рассказа Олеария и даже содержащихся в нем намеков, то все это оставляет впечатление отличной осведомленности и полного правдоподобия.

Нетрудно, в частности, понять намек, что из-за измены Шеина «и более высокое лицо не без причины подверглось подозрению». Олеарий сам раскрывает этот аноним несколькими строками ниже, многозначительно указав на особое доверие, существовавшее между патриархом Филаретом Никитичем и боярином Шеиным. Действительно, следствие по делу Шеина могло показать лишь одно: что он точно выполнял все предначертания и осуществлял план Филарета Никитича. Даже немногих дошедших до нас грамот, посылавшихся Шеину с товарищами в первый год Смоленской войны, достаточно, чтобы убедиться в необоснованности возведенных на него обвинений в самовольной, якобы вопреки указам, задержке выступления и движения под Смоленск осенью 1632 г.⁹

⁷ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию, пер. А. Ловягина, 1906 стр. 200—202 (Разрядка моя.— Б. П.).

⁸ ААЭ, т. III, № 344, 345, стр. 493—494.

⁹ Убедительное сопоставление ряда пунктов обвинения с опровергающими их архивными документами было произведено Н. Юхновским (см. «Действительно ли Шеин изменил под Смоленском в 1643 г.?» «Москвитянин», т. III, № 9, 1856) и А. Н. Зерцаловым (см. «М. Б. Шеин под Смоленском». «Чтения ОИДР», 1897, кн. II (181)). На той же основе построена и статья Н. Н. Оглоблина (см. «Правда о боярине М. Б. Шеине». «Исторический вестник», т. LXXII, 1898, апрель, май и июнь). Poleмика же с этими авторами со стороны Д. Иловойского (см. «М. Б. Шеин при явном историческом освещении». «Русская старина», 1898, ноябрь) не подорвала их аргументов в этой части, хотя и показала неубедительность их объяснения казни Шеина одной «боярской честью».

Столь же, конечно, неправильно и обвинение его в нежелании вести свою армию на решительный приступ Смоленска, ибо несомненно такова была, как говорилось выше, директива, вытекавшая из внешнеполитических замыслов Филарета Никитича. Но теперь, после капитуляции Шеина, когда вся страна искала виновника проигранной войны, открыть правду, значило бы обрушить на память патриарха, а тем самым и на его сына, такую бурю, которая смела бы новую династию как карточный домик. Правящие круги имели единственный выход — сделать Шеина козлом отпущения. Недаром в приговоре, зачитанном перед казнью ему или, вернее, присутствовавшей толпе, особенно подчеркивалось, что якобы патриарх Филарет Никитич неустанно торопил Шеина идти из Можайска в Вязьму, из Вязьмы в Дорогобуж, из Дорогобужа под Смоленск, а тот в нарушение указов мешкал¹⁰. Правдоподобно, наконец, и то, что единственным средством принудить Шеина не оправдываться до самой последней минуты было обещать ему, что, взяв на себя вину и спася тем самым царя и династию, «не вредя другим», он, в конце концов, получит помилование за эту услугу.

Однако в рассказе Олеария не так важна история казни Шеина, как характеристика социальной обстановки конца Смоленской войны. На сцену выступает мятежный народ, успокоение которого становится центральной политической задачей. Смоленская война заканчивается в такое время, когда в России «грозило вспыхнуть всеобщее восстание».

Подвергнем теперь свидетельство Олеария перекрестной проверке путем привлечения других иностранных источников. Особенно для нас важно будет узнать суждение правительств Польско-Литовского государства и Швеции о причинах, заставивших Московское государство прекратить войну. Знание этих причин имело и для того и для другого соседа самое жизненное значение.

В частности, для польского короля Владислава IV и польской делегации на Поляновских мирных переговорах было совершенно необходимо знать правду о причинах, толкающих русское правительство к миру. Оно изучало эту проблему с помощью лазутчиков¹¹ и перебежчиков столь же настойчиво, как и русские со своей стороны изучали (и действительно хорошо знали) причины, толкавшие к миру поляков. К 4—5 мая 1634 г. польская сторона (в результате поражения под Белой) стала было проявлять заметную уступчивость в переговорах, но затем разом переменяла позицию и начала новое дипломатическое и даже военное давление; как вскоре выяснилось, причиной этого поворота явились сведения, полученные 5—6 мая от русских перебежчиков (в том числе от двух молодых поляков, служивших в Москве «в боярских дворах», да от какого-то бежавшего из Москвы сына боярского по имени Федор и др.). В позднейшей формулировке главы польской делегации канцлера Задика, сведения эти состояли в том, «что на Москве Михайла Шеина да Артемия Измайлова с сыном казнили и за то де на Москве учинилась в людях рознь великая, да на Москве же де были пожары большие, а выгорела Москва мало не вся, а в Можайске де ратные люди также погорели и из Можайска разъехались»¹². Следует подчеркнуть, что сведения о больших пожарах в Москве, Можайске и Боровске поступили немного раньше сведений о казни Шеина¹³. На указанную информацию

¹⁰ ААЭ, т. III, № 251.

¹¹ Кое-какие данные о польском шпионаже приведены А. Н. Зерцаловым (см. «Польские лазутчики на Руси в 1633—1634 гг.». «Чтения ОИДР», 1894, кн. II).

¹² ЦГАДА, Дела польские, кн. 42, лл. 405—406.

¹³ «Учинилося гетману Казановскому и Александру Госевскому вестимо от перебежчиков, что на Москве и в Можайске были пожары великие и погорели многие дома» (там же, л. 344 об.). «А слышат де они от русских людей, которые к ним приходят, что Москва, и Можайск, и Боровск выгорели, и сказывают им, что из Можайска ратные люди разъехались, а в Можайске де будто остались ратные не многие люди» (ЦГАДА, Дела польские, 1634, стб. 7, ч. 1, лл. 592—593; ср. там же, лл. 575—577).

руководители Польско-Литовского государства как раз и опирались в последние дни поляновских мирных переговоров.

Как видим, эта информация о возникшей в Москве «розни великой в людях» в известной мере сходится со сведениями Олеария.

Попутно отметим, что, очевидно, через Польшу сведения об огромном пожаре Москвы, как причине прекращения Московским государством войны с Польшей, распространились и в Германии. Так, при дворе германского императора, как свидетельствуют «Анналы» Кевенхиллера, считали, что пожар, уничтоживший большую часть русской столицы, побудил царя прекратить войну¹⁴. Та же версия фигурирует в известном немецком политическом обозрении «Theatrum Europaeum»¹⁵.

Посмотрим теперь, как объясняли прекращение Россией этой войны в правящих кругах Швеции. Ведь Швеция просчет в отношении перспектив русско-польской войны стоил целой катастрофы. Естественно, что шведские послы Шейдинг, Флеминг, Гюлленшерн и секретарь посольства Бюреус, прибывшие в Москву как раз после заключения Поляновского мира и пытавшиеся сорвать его ратификацию, должны были приложить все усилия, чтобы разобраться в подлинных причинах, вызвавших этот мир. Они пробыли в Москве достаточно долго, могли собрать разнообразную информацию.

К сожалению, мы не располагаем текстом пространного доклада, представленного по этому вопросу риксроду (государственному совету) 7 января 1635 г. Эриком Гюлленшерном и Андреасом Бюреусом. В скудных протоколах риксрода весь доклад резюмирован в одной фразе. Но она очень интересна: «Главная причина мира великого князя с Польшей — неуверенность в верности подданных, поскольку они связаны клятвой Польше»¹⁶. Хотя здесь перед нами совсем новый оттенок, но опять-таки в качестве главной причины указывается внутреннее политическое положение в России. Да в сущности проблема прав Владислава на русский престол — это оборотная сторона той борьбы за спасение репутации Романовых, которая выступает перед нами в сообщении Олеария. Наконец, шведский историк Вейле, пользовавшийся какими-то иными материалами шведских архивов, говорит, что по шведским данным русский царь, несмотря на свои приготовления к продолжению войны, в конце концов вынужден был согласиться на мир «по причине внутренних беспорядков (oroligheter)»¹⁷. Это уже звучит совсем в унисон с сообщением Олеария о грозившем вспыхнуть всеобщем восстании и с польскими сведениями о «великой розни» на Москве.

Иностранные источники, как видим, указывают на наличие в России в конце Смоленской войны какого-то внутреннего кризиса. Дело идет о какой-то существенной странице истории «бунташного» XVII в., расположенной между «смутой» начала века и движениями 1648—1650 гг.

Но историка обескураживает отсутствие прямых сведений в русских источниках о каком бы то ни было политическом кризисе в это время. Соответственно и в историографии, посвященной времени царствования Михаила Федоровича, внутренняя политическая история выглядит безбурно.

Только тщательно приглядевшись к источникам, мы замечаем, что они подвергались в прошлом несомненной «чистке», которая сама кое о чем косвенно свидетельствует. Так, обратившись к основному источнику по политической истории той эпохи, к «Разрядным книгам», мы обнаруживаем легко способную ускользнуть деталь: отдельная «Разрядная книга» за 1634 г. отсутствует, хотя имеются отдельные книги по каждому

¹⁴ F. C. K e v e n h i l l e r. *Annales Ferdinandei*, Bd. XII, 1726, S. 1543.

¹⁵ «Theatrum Europaeum», t. III, 1670, pp. 279, 281.

¹⁶ «Svenska riksrådets protokoll (Handlingar rörande Sveriges historia, 3 serien)», 1885, d. V, s. 4.

¹⁷ C. W e j l e. *Sveriges politik mot Polen, 1630—1635*, Uppsala, 1901, s. 88.

из предшествующих двадцати одному году и по последующим двум годам; этот пробел отчасти возмещен особой «Разрядной книгой», содержащей сведения, относящиеся к Смоленской войне за четыре года — 1631—1634, однако материалы 1634 г. здесь обрываются на 4 марта, а следующие данные мы находим уже в «Разрядной книге» 1635 г., начинающейся с ноября 1634 г. Таким образом, в «Разрядных книгах» — полный интервал с марта по ноябрь 1634 г.¹⁸ Иными словами, этот источник несомненно уничтожен. Точно так же уничтожено следственное дело Шейна, от которого сохранился только отрывок — собственно приговор¹⁹. Исчезло и дело о пожаре в Москве 25 апреля 1634 г. (факт этого крупнейшего пожара не подлежит сомнению, ибо он зарегистрирован и «Летописью о многих мятежах», и упомянутыми зарубежными источниками, и косвенными данными, имеющимися в некоторых архивных документах²⁰), хотя в архиве Приказного стола налицо следственные дела о менее крупных пожарах предыдущих лет, в том числе 1633 г.²¹

Скажем шире: изучение архивов оставляет впечатление, что систематическому истреблению подверглось все, что характеризует деятельность патриарха Филарета Никитича в последние годы его жизни и внутренние политические события, разыгравшиеся в ближайший год, особенно в ближайшие несколько месяцев после его смерти.

В этих условиях историку остается обратиться к изучению социально-го фона указанных событий. В фондах Разрядного приказа сохранилось некоторое число документов (частично опубликованных в XIX в.), которые не представлялись кому-либо дискредитирующими патриарха православной церкви или правление первых Романовых, и которые поэтому не подверглись истреблению. Эти документы характеризуют социальное движение, развертывавшееся в основном вне Москвы. Однако следует тщательно проследить их связи с ходом событий в Москве, выявить их не только социальное, но и политическое значение.

II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В РОССИИ В НАЧАЛЕ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Для характеристики социально-политической атмосферы кануна и начала Смоленской войны особенно важны два момента: во-первых, обилие дел о крестьянских побегах, свидетельствующее об усилении в это время сопротивления крепостному праву; во-вторых, обилие дел по политическим обвинениям, свидетельствующее о шаткости политического авторитета царя Михаила Федоровича и его отца.

И. Новомбергский дает обширную выборку из архивных дел, рисующую эти престолярные политические преступления конца 20-х — начала 30-х годов: «непригожие», «неподобные» слова о царе или патриархе, сомнения в законности, «прирожденности» нынешнего царя или царевича Алексея, попытки разных лиц из народа объявить себя царем, предсказания поражения в войне с Польшей²². Поскольку эти данные широко привлечены и подвергнуты анализу в статье Л. В. Черепнина о «Новом летописце» и породившей его социально-политической действительности, мы можем здесь ограничиться напоминанием вывода Л. В. Черепнина: «Крестьянская война начала XVII в., — пишет он, — оказала громадное влияние на сознание народных масс. Это влияние чувствовалось очень сильно еще в конце 20-х и начале 30-х годов XV в. ... Народные

¹⁸ «Книги разрядные», т. II, СПб., 1855, стр. IX, 634—635, 753.

¹⁹ ААЭ, т. III, № 251, стр. 382—389.

²⁰ «Летопись о многих мятежах», изд. 2, М., 1788, стр. 345; ЦГАДА, Приказный стол, стб. 80, л. 226.

²¹ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 60, лл. 328—330; стб. 61, лл. 1—25, 28—31.

²² И. Новомбергский. Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), т. I. «Записки Московского археологического института», т. XIV, 1911, см. напр., № 32—59, 135, 172—188, 219—225.

массы настойчиво ожидали новую крестьянскую войну». В частности, «в крестьянских массах все время жила идея своего, мужицкого царя». «В свете этих данных,— заключает Л. В. Черепнин,— становится понятным, что выпады «Нового летописца» против самозванцев, называвшихся «праведным корнем», были вызваны в значительной мере опасением возможного повторения крестьянской войны»²³.

Действительно, все дышало еще памятью о крестьянской войне, интервенции, «смуте». И эти настроения не могли не оживиться еще более во время войны²⁴.

Борьба за и против крепостного права тесно сплеталась с вопросом о правах на престол, о законности царя и династии. Если сочинения вроде «Нового летописца», инспирированного Филаретом Никитичем, пропагандировали идею, что Романовы унаследовали русский престол как ближайшие уцелевшие родственники Ивана IV, то в обществе в известной мере укоренились, с одной стороны, традиция сомневаться в смерти более близкого наследника, Димитрия, с другой стороны, традиция замещать престол вовсе и не по наследованию, а по избранию. П. П. Смирнов справедливо подчеркивал, что не случайно ни избирательная, ни утвержденная грамота царя Михаила Федоровича ни слова не говорили о порядке дальнейшего замещения престола: «что касается обычая,— писал он,— то он теперь был отнюдь не за наследование, а за избрание царя Земским собором, что практиковалось уже со времени смерти Грозного; такой порядок подсказывался и примером весьма авторитетного для Руси XVII в. соседнего Польско-Литовского государства»²⁵. Михаилу и Филарету Романовым противостояли и непрерывно возрождавшиеся Лжедимитрии, и упорный слух о предстоящем пресечении династии, поскольку царевич Алексей не сын царя, а «подложен на место дочери»²⁶, и, наконец, попытки политической оппозиции напоминать о крестоцеловальной присяге Владиславу. В самом деле, ведь даже в поляновских мирных переговорах официальная русская делегация не оспаривала того, что Владислав был избран на русский престол вполне законно, «Московского государства боярами и всяких чинов людьми»²⁷ (а не кучкой бояр-изменников, как трактовалось позже); аргумент же, что его отец, Сигизмунд, пытался узурпировать в свою пользу его права, не мог звучать слишком убежденно в устах сподвижников Филарета Никитича, тоже узурпировавшего власть своего избранного на царство сына. Вполне понятно, что русской мирной делегации было

²³ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). «Исторические записки», т. 14, 1945, стр. 103—104.

²⁴ Приведем для иллюстрации только один пример по сыску о беглых крестьянах арзамасского боярина Чуфарова. В 1631 г. они потребовали было у своего господина «выхода», т. е. освобождения, на том основании, что, поскольку родился царевич Алексей Михайлович, «дал де нам бог, родился царевич, будет нам выход». Сыск показал, что группа крестьян сначала намеревалась осуществить свой «выход» просто путем «воровства». Сидя у приказчика Тимошки, пили вино, и он уговаривал: «Покинь де воровать», а Фомка сказал: «бояться де мне некого, для чего не воровать», а Тимошка сказал: «бойся де бога да государя», а Фомка сказал: «боюсь де одного боярина своего». В конце концов, на другой день крестьяне ввалились в горницу к боярину и стали требовать «выхода», в чем последний не только отказал, но и пригрозил вырезать языки слишком разговорившимся крестьянам, добавив, что выход дать, конечно, воля государя, но нынешний государь навряд ли это сделает, он «и не слышеня, а вот сидел де царь Борис и «нас не жаловал», так хоть он нынешнего «и мудренее был, да и того скоро не стало». Некоторое время спустя после этой стычки, уже в конце 1632 г., двое из участников сговора, попавшие со своим боярином в армию под Можайск, бежали от него и в начале 1633 г. вернулись к своим в Арзамас, по-видимому, с намерением продолжать борьбу за «выход», ибо, когда их посадили в Арзамасе в тюрьму, они сказали на себя «государево слово», желая «от государя своего избыть холопства». Позже они заявили, что обвинение на Чуфарова «возвели напрасно»; может быть они просто приписали ему крестьянские тайные речи о царе Борисе. (ЦГАДА, Приказный стол, стб. 60, лл. 152—161).

²⁵ П. П. Смирнов. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г., Ташкент, 1929, стр. 4.

²⁶ См. И. Новомбергский. Указ. соч., № 57, 135, 172.

²⁷ ЦГАДА, Дела польские, кн. 42, л. 170 и др.

предписано добиваться отречения Владислава от царского титула, хотя бы поляки предлагали взамен этого уступить многочисленные города.

В такой опасной политической атмосфере была предпринята Смоленская война. Эта атмосфера делает понятным стремление русского правительства опереться в войне преимущественно на иноземное наемное войско. Но так или иначе требовалось дополнить его и русскими солдатами. Попробовали, между прочим, впервые привлечь в армию донских (а также яицких и терских) казаков, но связав их присягой (крестоцеловальной записью), с текстом которой в 1632 г. был послан на Дон кн. Дашков: «И нам, атаманам, и казакам, и всему войску донскому...,— гласит этот текст,— опричь государя своего, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и сына его, государя, царевича, князя Алексея Михайловича, на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия иного государя из иных государств, литовского и немецкого королей и королевичей, и из русских родов никого не хотети и государства под ним, государем, не подыскивати: а где уведем или услышим на государя своего... Михаила Федоровича и на государя, царевича, князя Алексея Михайловича скоп и заговор, или иной какой злой умысел, и нам за государя своего... и за государя царевича... с теми людьми битись... А самим нам ни в какой измене и к воровству ни к какому и ни к какой воровской прелести не приставать, а служить нам государю своему... и сыну его... и прямить во всем по сему крестному целованью»²⁸. В этом тексте присяги выражена тревога правительства по поводу возможности возобновления донскими казаками «смуты». Кн. Дашкову удалось на Дону казаков «угovorить», но креста они на этом тексте не целовали²⁹, и через несколько месяцев они уже выступили в роли руководителей и организаторов «скопа» и «воровства» на Руси — в той роли, которую казачество традиционно играло и в последующих русских крестьянских войнах.

Неспокойно было к началу Смоленской войны и в самой Москве. Побывавший в Москве в 1631 г. сургутский казак Алексей Левонтьев так описывал ее настроения: «Был де он Олешка на Москве и с Москвы приехал вскоре; а делаетца де на Москве нестройно,—разделилась де Москва натрое: бояре себе, а дворяне себе, а мирские всяких чинов люди себе ж. А государь де от того в кручине»³⁰. Это свидетельство, кстати, указывает нам на еще одну важную причину оттягивания правительством начала Смоленской войны. Но социально-политические противоречия в Москве не ослабели и в 1632—1633 гг. По справедливым словам П. П. Смирнова, «начавшееся еще перед Смоленской войной движение дворян и детей боярских не прекращалось и принимало все более широкие и опасные формы»; к этому полуприкрытому мятежу подчас присоединялись черные слободы и сотни, а также стрелецкий гарнизон столицы; дворяне и дети боярские добивались закрепощения крестьян или, точнее, отмены урочных лет сыска беглых, реформы и децентрализации суда, обороны от сильных людей³¹. Чрезвычайной остроты достиг за время Смоленской войны конфликт и между двумя слоями среди дворян и детей боярских: имевшими поместья и беспоместными («кормовыми»), жившими государевым жалованьем. С другой стороны, активизировались и городские низы. К формирующимся в Москве полкам и к проходившим через Москву яицким казакам, направлявшимся к Смоленску, уже с начала войны стали приставать как разные пришлые гулящие люди и беглые крестьяне, оказавшиеся в Москве, так и отдельные московские стрельцы и холопы московских бояр. Позже мы встретим многих из них в списках людей, бежавших

²⁸ АМГ, т. I, № 469, стр. 434—435.

²⁹ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 153.

³⁰ Цит. по П. П. Смирнову. Указ. соч., стр. 7.

³¹ Там же, стр. 6.

из армии в «балашовщину»; побеги крепостных и вольных людей из Москвы к «балашовцам» приобрели в дальнейшем широкий размах.

Что же было причиной обострения классовых противоречий, нового подъема открытой классовой борьбы?

Во-первых, причиной являлось само восстановление феодального хозяйства после «смуты» и разорения начала XVII в. Помещики и вотчинники в 20-х — начале 30-х годов отстраивались, закрепляя за собой рабочие руки, усиливали крестьянские повинности. Феодальное государство со своей стороны укрепляло и увеличивало налоговое обложение; упорядочивается сошное письмо, взимаются стрелецкие деньги, пятинные деньги и т. д. С возрождением же феодального хозяйства неминуемо возрождались и присущие ему антагонистические противоречия.

Во-вторых, подготовка и ведение Смоленской войны сопровождалась дополнительными чрезвычайными поборами и экономическими тяготами. За все службы и повинности, которые правительство требовало с бояр, дворян, детей боярских, в конечном счете расплачивались их крепостные крестьяне. Сбор пятинных денег истощал страну до крайности. Платежные силы посада были доведены до предельного напряжения. Все это способствовало резкому обнажению всех социальных противоречий^{31а}.

III. НАЧАЛО «БАЛАШОВЩИНЫ»

Крестьянско-казацкое движение, развившееся в годы Смоленской войны, имело одним из своих поводов приказ самого правительства воеводам производить вербовку и привлечение «охочих людей», правда, с оговоркой, что только из вольных, не из крепостных. Но жизнь сломала эту оговорку. Отряды охочих людей, «вольных казаков», как они себя именовали, или шишей (партизан-разведчиков) стали возникать и самопроизвольно и были многочисленны. Часто партизанская война и действия местного населения опережали движение правительственных войск³².

Действия этих добровольных отрядов, появлявшихся наряду с «боярским походом» с первых месяцев Смоленской войны, подчас оборачивались против окрестных помещиков и вотчинников, приобретали характер набегов, грабежей, погромов. Например, в октябре 1632 г. крестьяне вотчины кн. Лыкова Мещевского уезда вместе с крестьянами вотчин кн. Пожарского, Нащокина, Волконского в соседних Серпейском и Рославльском уездах, согласно отписке Нагого, «христиан грабят лошади и животину и хлеб и платья емлют и самих жгут и пытаются разными пытками из денег и хоромы развозят». Особенно усердствовал в качестве предводителя этих крестьян некий вдовый поп Федор. Кн. Лыков обратился к правительственной помощи, чтобы вернуть и унять своих крестьян³³.

С того же времени, с первых месяцев Смоленской войны, в отряды охочих людей и шишей начинают перебегать и солдаты из войска Шеина. Партизанские отряды по началу занимали вполне лояльную позицию, намереваясь обратить свое оружие только против польско-литовских вооруженных сил, и искали контакта с Шеиным. В начале ноября, когда Шеин со своей армией был еще не под Смоленском, а под Дорогобужем, к нему явились «Дорогобужского и Смоленского уезду крестьяне, которые радеют государю, Балаш с товарищи, и били челом, чтоб им позволил, собрався с вольными людьми, быть в шишах и языков добывать». Этот отряд шишей

^{31а} См. Е. Д. Сташевский. Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства. «ЖМНП», 1912, апрель; А. М. Карпачев. Пятина 1634 (142) года, как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства. «Исторические записки», т. 33, 1955.

³² См. Е. Д. Сташевский. Указ. соч., стр. 157—159.

³³ Там же, стр. 156—157.

состоял в то время из 400 человек и располагался в острожке под Смоленском, т. е. далеко впереди медлившей армии Шеина. «Да к тем же шисам пошли из полков самовольством от голоду русские солдаты» из разных полков, всего числом около 200 человек, «и стоят те солдаты с шишми вместе»³⁴.

Так впервые появляется перед нами имя Балаша, которое останется вплоть до конца Смоленской войны символом и знаменем казацко-крестьянского движения, даже когда сам Балаш уже не будет в нем участвовать. И уже эти первые явления содержат в себе зерно неминуемого разрастания противоречия между властями и этим стихийным движением: оно порождает побег и крад из армии, оно ориентируется на «вольных людей», на инициативу крестьянства.

Из следственного дела об участниках отряда Ивана Балаша, крестьянина Болдина монастыря Дорогобужского уезда, а также присланной им в Москву отписки видно, что отряд, возникший в Дорогобужском уезде, действовал в районе Смоленска, за «литовским рубежом», в том числе провел операции против польских военных сил с помощью присоединившихся «порубежных мужиков» в селах Кадино и Красное. Затем отряд вел военные действия в Дорогобужском уезде, в Рославльском уезде до капитуляции польского гарнизона Рославля, затем под Кричевом, опять под Рославлем, снова под Кричевом. Далее отряд участвовал в успешной осаде Стародуба вместе с регулярными войсками. Позже Балаш совершил успешный рейд под Гомель и Чичерск, откуда вернулся в Стародубский уезд, расположившись лагерем в 15—20 верстах от Стародуба. Стоит взглянуть на карту, чтобы убедиться в большом размахе этих операций. Партизанский отряд, конечно, не оставался все это время в одном составе, он пополнялся новыми силами и из местного населения и из армии Шеина³⁵. Можно предполагать, что крестьянский состав был наименее устойчив и отсеивался по мере передвижений отряда из одного уезда в другой. Что касается солдатской части, то о ее социальном составе отчасти можно судить по списку из 19 лиц, присланных Балашом в Москву с польскими пленными и отписками: среди них кормовых (беспоместных) детей боярских — 5, казаков — 3, стрелец — 1, посадских людей (посадских мужиков) — 4, гулящих людей — 6³⁶.

Другой большой партизанский отряд действовал во второй половине ноября 1632 г. под стенами Трубчевска. Основу его составили крестьяне Комарицкой волости Карачевского уезда и разрозненные военные, всего около 1500 человек. Эти силы атаковали и затем осадили польский гарни-

³⁴ АМГ, т. I, № 442, стр. 414, Распрос в Разряде сына боярского Ивана Растопчина, прибывшего к Москве из полков с отписками от 9 ноября 1632 г. По сведениям из Дорогобужа от 17 ноября, «атаман Балаш, а с ним охочие люди и солдаты, которые из полков отошли, стоят по ту сторону Смоленска в Красном селе»; с Балашом казаков свыше 500 человек (там же, № 447, стр. 418).

³⁵ Там же, № 504, стр. 474—477, Распросные речи; ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 27—32, 201—210. Сын боярский Воин Андреевич Рострубаев показал, что после взятия Дорогобужа осенью 1632 г. он возглавил отряд «солдатов 30 человек, да мужиков охочих людей с 270 человек, всего с 300 человек», воевавший во многих местах в Литовской земле, а в январе 1633 г. соединившийся с отрядом И. Балаша. Боярский сын Левонтий Котенев показал, что и он ушел из-под Дорогобужа с отрядом в 250 человек, разросшимся затем во время операций до 400 человек и пришедшим вместе с отрядом В. Рострубаева под Стародуб к И. Балашу (лл. 27—28). Рейд И. Балаша под Гомель и Чичерск был вызван, согласно его отписке, вестями о готовившемся наступлении из тех мест на Стародуб литовских «жолнеров», которые, однако, прольшша о движении отряда Балаша, разошлись по своим городам (лл. 31—32).

³⁶ АМГ, т. I, № 504; ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 58—60. В другом списке участников отряда Балаша, захваченных позже в Карачеве, встречаем фигуру, как бы превосходящую характерное явление будущего года: «Никита Иванов, дворовый человек (т. е. холоп.— Б. П.) Григория Волкова, побегал с Москвы под Смоленск, а из-под Смоленска пошли к Балашу в полк, и с Балашом де был в Литовской земле и в Стародубе»; кроме этого руководителя данной группы, в ее составе были: сын боярский — 1, казаков — 3, стрелец — 1, посадский человек — 1, гулящих людей — 5, остальные — без указаний (там же, лл. 192—193, 201—210).

зон в Трубчевске 20 ноября. К ним 23 ноября подошел отряд регулярной армии в 500 человек. Осада завершилась 2 декабря капитуляцией Трубчевска.

И здесь налицо сначала контакт крестьянских партизанских вооруженных сил с властями, действия этих сил только против внешнего врага. Но логика вещей мало-помалу придает им иной характер. В первой половине января 1633 г. мы видим новое явление: отряд Балаша соединяется в Стародубском уезде с какой-то частью «комарицких и карачевских мужиков»^{36а}; в числе предводителей этого соединенного отряда, наряду с именем Ивана Балаша, мы находим имя одного из предводителей отрядов, действовавших под Трубчевском — дворянина Семена Веревкина. Трудно сказать, пришли ли с Веревкиным сюда, к Стародубу, все партизанские силы из-под Трубчевска или только часть их. С другой стороны, в числе предводителей этого объединенного отряда, вернее, уже целого войска, мы находим, кроме Ивана Балаша и Семена Веревкина, еще каких-то Семена Рагозина и Степана Обьедова, которых не было под Трубчевском, — может быть это были головы других отрядов, стянувшихся к общему лагерю в Стародубский уезд из других мест. Первое место среди них занимал Иван Балаш.

Наказ, данный в Москве 18 января 1633 г. Владимиру Прокофьевичу Ляпунову, отправляемому в Стародубский уезд для переговоров с отрядом, косвенно свидетельствует о большом размахе и о большой степени независимости этого движения. Ляпунов должен был с помощью Стародубского воеводы Еропкина разослать, сколько понадобится, людей (детей боярских «меньших статей», стрельцов, казаков) для сбора в удобном месте всех тех, кто из полков, стоявших под Смоленском, «пошли в воровство», и донских казаков, которые пошли «к тем же вора», и всех остальных, кто «ходят с Балашом». Собрав их, Ляпунов должен был вступить с ними и с Балашом в переговоры. Он должен был от имени царя призвать всех, кто пользовался государевым жалованьем — кормовых (беспоместных) детей боярских, казаков, получавших кормовые деньги, — немедленно вернуться под Смоленск, в армию Шеина. «И вы, — должен был говорить им Ляпунов, — ...с государевы службы из-под Смоленска отошли и, собравшись, ходите с Балашом не по его, государеву, указу, своевольством; и вы б, дети боярские, и атаманы, и казаки, ...от всякого дурна отстали и службы своей никаким дурном не теряли, шли бы на государеву службу под Смоленск». Всем им, включая самого Балаша, было обещано полное прощение и регулярная выплата жалованья в случае их возвращения под водительством Ляпунова в армию боярина Шеина³⁷.

Однако сам наказ свидетельствует, что правительству недоставало убедительных аргументов и сил для борьбы с этим движением. Оно уже явно обращается теперь не только против внешнего врага: «... ходят с Балашом и в уездах христиан жгут и грабят и до смерти побивают»³⁸. Слова «жгут и грабят» заставляют думать, что дело идет о поместьях и вотчинах. Да и сама фигура вождя отряда, крестьянина Балаша, красноречиво свидетельствует о социальном облике движения. Очевидно миссия Ляпунова имела целью расколоть движение, оторвать от крестьянского ядра солдат, особенно детей боярских и казаков.

29 января 1633 г. вдогонку Ляпунову пишется уже новая царская грамота «детям боярским розных городов кормовым и донским казакам, которые с Балашом, и Балашу»³⁹. 31 января направляется специальный гонец Ф. Щепкин с грамотой к вождям отряда — Семену Рагозину, Степану

^{36а} Напомним, что Комарицкая волость являлась очагом крестьянского восстания во времена Болотникова.

³⁷ АМГ, т. I, № 478, стр. 440—441.

³⁸ Там же, стр. 440.

³⁹ Там же, № 485, стр. 446—447; ср. № 484, стр. 446, Царская грамота стародубскому воеводе от того же 29 января 1633 г.

Объедову, Семену Веревкину, Ивану Балашу. Поводом для нее послужил слух, доведенный до сведения патриарха Филарета Никитича, будто «комарицкие мужики и Балаш» из-под Стародуба «пошли под Чернигов и к черкасским городам». Это известие встревожило правительство уже потому, что в его стратегические планы отнюдь не входило развертывание военных действий в Запорожской Украине. Это подробно объяснено в грамоте. Но еще сильнее звучит в ней тревога по поводу самого характера движения: «И вы то учинили самовольством, в войне ходите, села и деревни разоряете и в плен православных христиан емлете без нашего указа, чего в Московском государстве николи не повелось — без нашего царского указа собираться и в войну ходить». Грамота снова обещает амнистию всем военнопленным в случае их возвращения в строй. Эта грамота, кстати, расширяет наши сведения о составе отряда: кроме Ивана Балаша с его «охочими людьми», кроме кормовых детей боярских и донских казаков, здесь говорится об «охочих людях северских и украинских городов», которым предписывается вернуться «кто откуда пришел». Таким образом, движение несомненно расширилось также и за счет притока служилых городских людей. Грамота предписывала руководителям составить и прислать в Москву на царское имя полный именной список всего отряда «по станицам и по сотням»⁴⁰. Последнее выражение косвенно свидетельствует об охвате отрядом большой массы людей. Требование это, конечно, не было выполнено, ибо движение уже вырвалось из-под контроля властей и в значительной мере сломало форму лояльности.

Впрочем, сам Балаш продолжал держаться за эту форму, что лишь ускорило его собственную гибель. О его попытках примириться и с правительством и с командованием армии говорят засылки им из своего Стародубского лагеря и упомянутых делегатов в Москву с пленными, отписками и уверениями в готовности незамедлительно выступить под Смоленск, и двух уполномоченных к боярину Шеину с просьбой разрешить итти на государеву службу к Смоленску, под лагерь Радзивила и Гонсевского, расположенный в уже знакомом Балашу селе Красном⁴¹. Один из этих уполномоченных, Василий Суетин, вернулся в Стародубский лагерь Балаша с приглашением от Шеина к кормовым детям боярским, и казакам, и Балашу безбоязненно итти на государеву службу под Смоленск, поскольку государь их пожаловал — «вину им отдал». Это было в конце февраля 1633 г. Одновременно в Стародубский лагерь явился и Вл. Ляпунов, приехавший из Москвы с такими же призывами.

В результате всего этого в отряде Балаша произошел раскол. Из 1500 человек (в число которых явно не включены крестьяне Стародубского и окрестных уездов) на уговоры итти под Смоленск во главе с Вл. Ляпуновым поддалась сначала лишь 50 человек, включая самого Ивана Балаша. Остальные не только отказались выступить под Смоленск, а еще и насильно, связав, повели с собою Ивана Балаша и Василия Суетина. Видимо, они хотели сохранить за отрядом притягательный ореол имени Балаша.

Эта основная часть отряда выступила 1 марта в противоположном Смоленску направлении. Согласно позднейшим расспросным речам самого Василия Суетина, «а которые приставали охочие люди из Путивля и из иных городов, и те пошли все к Путивлю, да от Ивашка ж Балаша отстало с есаулы с Сенькою Пирожком да с Гришкою с Тюленем донских казаков с 40 человек, боярских холопей и охочих людей с 300 человек, пошли мимо Стародуба по новгородской дороге в воровство, а куда пошли, они того не ведают, и его де, Ваську, и Ивашка Балаша взяли было с собою, связав, силою». Как видим, о «комарицких мужиках», о местных крестьянах тут

⁴⁰ АМГ, т. I, № 468, стр. 447—448; См. также память Ф. Щепкину (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 19—20).

⁴¹ АМГ, т. I, № 499, стр. 463 и № 502, стр. 472.

и вовсе не упоминается, — они просто разбрелись по своим уездам и деревням.

Когда отряд «урядяся и ополчяся знамены», проходил мимо Стародуба, стародубский воевода И. Еропкин выехал к нему навстречу со своими ратными людьми. Сначала он сумел уговорить отстать от воровства еще сто человек, затем дал бой, в котором захватил много оружия и запасов, взял пленных и, главное, отбил Балаша. Впрочем, по утверждению Семена Пирожка (Пирога), старого сподвижника Балаша, отряд боя не принял и предпочел уступить воеводе всю накопленную в боях с поляками добычу. Так или иначе, после этого «воры» стали лагерем в деревне Картушиной в 10 верстах от Стародуба, и людям, присланным к ним Еропкинским и Ляпуновым, удалось отколоть от них еще 220 человек, видимо, обескураженных потерей Балаша; они «поворотились с знаменой и с барабаны», «а достальные воры побежали наутек по новгородской дороге», на Дон и в Литву. С Вл. Ляпуновым выступило под Смоленск 400 человек. Иван Балаш вместе с другими пленными был брошен в тюрьму⁴².

Двойственность положения продолжала тяготеть над партизанским отрядом и после потери Балаша. Семен Пирог пытался убедить севского воеводу Ф. Пушкина, что отряд готов подчиниться царскому указу идти под Смоленск, а сейчас предлагает свои услуги для защиты Путивля от польского наступления. Однако эти переговоры лишь стоили отряду потери всей депутации во главе с Григорием Тюленем (Тюленевым), брошенной в тюрьму Пушкиным. Царская грамота от 31 марта 1633 г. предписывала последнему снова обещать «ворам» прощение и исправную выплату жалования в случае их возвращения в армию Шеина под Смоленск, а в случае непослушания — преследовать их ратными людьми, сославшись с воеводами Новгорода-Северского, Стародуба, Рыльска, Путивля, Брянска⁴³.

16 апреля отряд в 700 балашовцев недалеко от Рыльска перебрался через реку Сейм на Карыжском перевозе, «и пошли на поле». Но пройдя 150 верст, отряд распался, так как обнаружилось неразрешимое противоречие: одни видели цель движения в продолжении партизанских операций на Литовской земле, другие — в уходе на Дон. «На поле войско порознилось»: 200—300 человек под руководством Семена Пирога прошли 21 апреля мимо Белгорода «на степь Изюмским шляхом», т. е. на Дон; остальные 300—400 человек, убедившись в безвыходности положения, вернулись и обратились к путивльским воеводам с изъявлением своей готовности идти на царскую службу под Смоленск. Присланный из Москвы

⁴² Там же, № 504, стр. 477, Распросные речи; № 505, стр. 478, Отписка стародубского воеводы Ивана Еропкина; № 509, стр. 481, Отписка донского атамана Семена Пирога и всего великого войска севского воеводе Ф. Пушкину. О судьбе И. Балаша и его семьи известно следующее. В марте — апреле 1633 г. царским указом жена и дети Балаша были затребованы в Москву из Вязьмы, где они скрывались у родни (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 52—53; Приказный стол, стб. 60, л. 555). Старший сын И. Балаша от первой жены, участвовавший в движении вместе с ним, находился в Москве в тюрьме уже с февраля 1633 г. (АМГ, т. I, № 504). Самого И. Балаша стародубскому воеводе в начале апреля приказано было «с великим береженьем», связав и сковав, дабы он не сбежал и «дурна над собой не учинил», прислать в Москву. Но отписка воеводы И. Еропкина от 11 апреля об отправке в Москву партии арестованных заканчивается лаконичными словами: «а Ивашка Балаш в Стародубе за приставом умер» (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, л. 94).

⁴³ АМГ, т. I, № 509, стр. 480—482. Но ни у севского воеводы, ни, по-видимому, у других не было достаточного числа ратных людей. В первой половине апреля отряд, оставшийся от «Балашова полка» в составе около 1000 человек, появлялся то в Севском, то в Новгородском, то в Брянском, то в Рыльском, то в Путивльском уездах, всюду «грабя» и «ломая» «уездных людей», становясь по деревням, насильно захватывая продовольствие, поджигая имения («животы жгут»), тогда как воеводы тщетно посылали к ним уполномоченных с уговорами идти к Шенну и обещаниями полного прощения, не пытаясь выполнить вторую половину повторных царских указов: в случае отказа, сославшись между собой, посылали голов с ратными людьми против «воров» и «промышлять» над ними. (См. ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 96—97, 115—118, 138—149, 162—177; АМГ, т. I, № 522, стр. 497—498).

в Путивль Григорий Беседнов повел этот отряд вместе с освобожденной из севской тюрьмы группой Гр. Тюленя к Смоленску 27 апреля. Группа в 20 человек оторвалось от отряда, «а идти было им по городам, где кто жил», но в Карачеве они были схвачены и посажены в тюрьму⁴⁴.

В завершение этой первой эпопеи, непосредственно связанной с именем Балаша, нам остается добавить, что и возвращение его сподвижников в армию под Смоленск отнюдь не укрепило последнюю, а скорее способствовало ее разложению. У нас нет сведений, как вела себя первая группа, приведенная в середине марта 1633 г. из-под Стародуба Вл. Ляпуновым⁴⁵. Группа, которую повел из Путивля Гр. Беседнов, уже в пути привлекала к себе элементы, тяготевшие к «балашовщине»: около Трубчевска к ней присоединились яички казаки, шедшие прежде к Балашу, которые стали захватывать в уезде лошадей; высланные воеводой ратные люди приказали им в уезде грабежами не заниматься, а по государеву указу идти под Смоленск, но были обстреляны из пищалей⁴⁶. Из 300 с лишним человек Гр. Беседнов в начале июня довел до лагеря Шеина 17 человек, остальные за 50 верст до Смоленска отказались идти с ним на государеву службу⁴⁷. О третьей группе, составленной из сподвижников Балаша, оказавшихся в Москве, мы имеем более полные сведения. Испытав в Москве заключение, голод, лишения, они дали обязательства идти служить безропотно и бессрочно под Смоленск, «с ворами не знаясь», были отпущены на поруки, получили кормовые деньги и под руководством М. Шумеевского были отправлены в армию М. Б. Шеина⁴⁸. Вскоре последний доносил в Москву, что из 15 посланных к нему балашовцев прибыло лишь двое, да и об этих двух он сообщал тревожные вести: «И те солдаты, которые были с Балашом в воровстве, Александра полку Лесли Ивашко Рокотов да Тобиасова полку Узина Васька Суетин, пришли под Смоленск подговаривать с собою солдат в воровство, и порох покупали; и мы того Ивашка да Ваську за то их воровство велели посадить в тюрьму»⁴⁹.

Но у Ивана Рокотова и Василия Суетина, уже знакомых нам сподвижников Балаша, были, в свою очередь, товарищи и помощники, в том числе и оставшиеся в Москве после допросов в Разряде. Они сеяли прежние семена уже не только в армии Шеина под Смоленском, но и в самой Москве. 11 мая «прислал в Разряд боярин князь Дм. Мих. Пожарский человека своего Сеньку Алферьева для распросу, что того его человека, и иных его людей подговорил было в воровство Балашовой станицы казак Воинко Рострубаев; да и иных боярских людей тот Воинко подговаривает же». Сыск выяснил, что Рострубаев был вписан в роспись с теми людьми, которых Шумеевский повел под Смоленск, получил кормовые деньги, но, ссылаясь на болезнь, остался в Москве и стал подбивать разных людей идти с собой «на Северу (Северщину.— *Б. П.*) под Стародуб к казакам, которые после Балаша пошли в воровство; да Воинко ж им сказывал, что, тому дня с три товарищи его 30 человек пошли наперед и ждут их по

⁴⁴ См. документы, указанные в предыдущей сноске, а также ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 150—153 (отписка севского воеводы), 178—182 (отписка путивльских воевод), 188—193 (отписка карачевского воеводы), 131—132 (память Григория Беседнову), 134—135 (челобитная и указ об освобождении Гр. Тюленя с товарищами); АМГ, т. I, № 523, стр. 498—499 (отписка Григория Беседного); № 524, стр. 499 (отписка белгородского воеводы).

⁴⁵ О прибытии этой группы см. там же, № 510, стр. 483; № 511, стр. 483.

⁴⁶ ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 186—187 (отписка трубчевского воеводы).

⁴⁷ Там же, лл. 240—243 (отписка М. Б. Шеина).

⁴⁸ Там же, лл. 54—71. Еще одна группа балашовцев была отправлена из Москвы 3 мая 1633 г. с И. Оглоблиным (там же, л. 227), и еще одна, из числа захваченных под Стародубом, после того, как эти балашовцы были в Москве «нешадно биты кнута» за воровство и измучены тюремным заключением, была «пожалована» разрешением идти на царскую службу к М. Б. Шеину 23 августа 1633 г. (там же, лл. 98—114, 244—245). Наконец, балашовцы, в свое время брошенные в тюрьмы в Алексине и Карачеве, которых затем, «сковав и связав», перевезли в Москву, были отправлены в войско Д. М. Черкасского 23 октября 1633 г. (там же, лл. 194—196, 217—218).

⁴⁹ АМГ, т. I, № 526, стр. 501, Отписка боярина М. Б. Шеина.

Боровской дороге на пустоши», а 11 мая он сам и остальные должны к ним присоединиться. Выданный Алферьевым и схваченный, Воинко Рострубаев был подвергнут допросу: почему он не поехал под Смоленск, на что подговаривал «боярских людей», т. е. холопов, «и по Боровской дороге какие его люди ждут, и сколь далеко от Москвы, и на коей пустоши, и много ли их, и на Москве кто с ним иных людей в заговоре, и где было им...». Допрос был безрезультатен⁵⁰. Отметим, что в нем звучит тревога по поводу возможной связи этого движения бывших Балашовых «шишей» с «заговором» в самой Москве.

И в самом деле, несколько дней спустя, 20 мая, из Москвы бежала группа солдат и других людей⁵¹. Царская грамота в Серпухов уведомляет, что идут они серпуховской дорогой воровать и людей всяких грабить, и требует их остановить. Однако серпуховскому воеводе не удалось этого сделать, так как отряд этот шел лесами и пустошами, а ночью переправился через Оку в 4-х верстах от Серпухова. Следующая царская грамота предписывает уже алексинскому воеводе известить по всем слободам, посадам, станам, селам и деревням Алексинского уезда, чтобы остерегались воров, а в случае их появления, чтобы их «переимали» и отправили в тюрьму на допрос. Отряд, посланный алексинским воеводой, нагрянул на «воров», громивших вблизи Алексина поместье, и имел с ними бой в соседнем лесу, обратив их в бегство. По показаниям пленного солдата, пошел он из Москвы ночью вместе с 50 человеками. Из Москвы до Серпухова шли все вместе, а перейдя Оку пошли врозь: 27 человек на Алексин, остальные Тульской дорогой, сходить же снова вместе было за Болховым, идти на Путивль⁵². Конечной целью этой группы беглецов из Москвы являлся переход литовской границы и партизанская война наподобие балашовцев.

IV. РОСЛАВЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ И МОСКВА

После распада отряда Балаша начинается новый этап казацко-крестьянского движения, очагом которого летом и особенно осенью 1633 г. становится Рославль. Концентрируясь у Рославля вплоть до февраля 1634 г., движение это затем прокатилось по множеству уездов. Новый, рославльский, этап нельзя отрывать от предыдущего. Семья, оставленное отрядом Балаша, понемногу давало новые всходы, новые плоды. Вполне оправданно, что и сами участники этого казацко-крестьянского войска и государственные документы применяли к нему вплоть до июня 1634 г., т. е. до самого конца движения, выражения «балашовщина», «балашовские казаки», «казаки балашова полку», или «балашова сбору», или «балашовой станицы», хотя действовали тут уже не Балаш, а другие предводители-атаманы: Анисим Чертопруд, Федот Лях, Иван Теслев, Тимофей Коробкин, Агей Иванов, Григорий Ростопчин.

Григорий Ростопчин, кстати, являлся ближайшим соратником Балаша и наиболее непосредственно олицетворял преемственность между первым

⁵⁰ Там же, № 527, стр. 501—503, Память из Разряда окольникскому В. Г. Коробьину с товарищами о розыске по извету Сем. Алферьева на казака Балашовой станицы Воинка Раструбаева.

⁵¹ О социальном составе этой группы дают представление сведения о двух захваченных пленных. Особенно выразителен один из них, М. Патрикеев: крестьянский сын Велико-Устюжского уезда, «был у Соли у Камской у соляного варенья 4 года, от Соли шол на Волгу и был на Волге с год, а с Волги пришел в Нижний Новгород, и в нынешнем 1633 г. в Нижнем написался в солдаты, а из Нижнего прислан к Москве, и после великого дни на пятой неделе стоворся их солдатом 30 человек пошли с Москвы в Путивльский уезд, а собрався было им в Путивльском уезде ити в войну в Литву» (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 214—216). Другой — тоже солдат, из посадских людей, прослужил в солдатах на Москве всего три месяца, стоял в Кожовой слободе у одного кожевника. Согласно официальной переписке, в составе группы были также и кормовые дети боярские и казаки, но, по-видимому, также и беглые московские холопы, подговоренные В. Рострубаевым.

⁵² ЦГАДА, Приказный стол, стб. 60, лл. 343—344, 366—377.

и вторым этапами движения, а на заключительном этапе, как увидим, сыграл роль, сходную с ролью Балаша. Родом казанец, сын боярский, он был солдатом в армии Шеина, «а из солдат пошел с Балашом из-под Доробужа» и с тех пор, с октября 1632 г. до июня 1634 г., «ходил все с казаки»⁵³. Вернувшись под Смоленск после распада отряда Балаша, Ростопчин вскоре увел из армии из-под Смоленска новый отряд в партизаны, водил их «за рубеж» и уже в начале мая 1633 г. образовал новый казацко-крестьянский лагерь под Велижем. Изучение списков личного состава войска, капитулировавшего вместе с Ростопчиным перед царскими войсками в июне 1634 г., показывает, что в «рославские казаки» в свое время влилось довольно много людей, ушедших в начале мая 1633 г. из-под Смоленска в лагерь под Велиж и стоявших до августа под Велижем, или же людей, «приставших» к казакам в лагере под Велижем⁵⁴, в том числе и пришедших туда из Москвы⁵⁵. Естественно, что в тех же списках личного состава мы находим и нескольких человек, еще прежде являвшихся, как и Ростопчин, участниками отряда Балаша⁵⁶. Из-под Велижа отряд Ростопчина перешел под Рославль во второй половине августа 1633 г.

Зачатки казацко-крестьянского лагеря под Рославлем относятся, видимо, тоже еще к маю — июню 1633 г., в июле — сентябре сюда понемногу отходили группы солдат и казаков, откалывавшихся в Можайске, Вязьме, Царевом Займище от вновь формировавшихся полков, шедших из Москвы к Смоленску⁵⁷. Свое значение главного центра движения Рославль стал приобретать с августа — сентября 1633 г. Из-под Велижа сюда пришел отряд Григория Ростопчина, из-под Смоленска — большой казацкий отряд во главе с атаманом Иваном Теслевым⁵⁸, затем другие казацкие отряды. Упомянутые выше списки показывают, что из числа участников последующего движения, «приставших» к нему еще под Рославлем, часть «присталла» еще в 141 г., т. е. до сентября 1633 г.⁵⁹, хотя значительно большая часть — в последние месяцы 1633 г. (впрочем, еще большая — в начале 1634 г.).

Быстрое разрастание Рославльского лагеря совпадает с тем периодом в истории осады Смоленска, когда особенно сильно происходило таяние армии Шеина. Само бездействие армии оказалось существенным фактором ее разложения. Оно содействовало росту рядов «вольных казаков», а их деятельность, в свою очередь, содействовала разложению армии. В конце августа 1633 г. боярин Шеин доносил в Москву, что бегство ратных людей из армии приобрело огромные размеры и как раз в то время, когда польский король со своим войском подошел к Смоленску; «а полковники русских и немецких полков и начальные люди, — писал он, — в великом сомнении видя то, что ваши государевы ратные люди многие с вашей государевой службы бегут, а говорят, что ваши государевы ратные люди мечут их одних»⁶⁰. Одновременно боярин Шеин и воеводы пишут, что в армии осталось очень мало посошных людей, совершенно необходимых для земляных работ, для обслуживания артиллерии, для транспорта и т. д.⁶¹. В сентябре — октябре московское правительство было занято изысканием всех возможных мер для пополнения тающей армии свежими даточными людьми и для возвращения «нетчиков».

И в это самое время под Рославлем растет мощный лагерь бежавших из армии казаков, служащий центром притяжения и для других недоволь-

⁵³ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 69, л. 152.

⁵⁴ Там же, лл. 149—150, 153, 156, 159, 181, 187, 189, 191, 221, 224 и мн. др.

⁵⁵ Там же, лл. 184, 218.

⁵⁶ Там же, лл. 134, 162, 237, 296—305 и др.

⁵⁷ Там же, лл. 161—166 и др.; стб. 76, л. 179.

⁵⁸ Там же, стб. 69, л. 218.

⁵⁹ Например, атаман Иван Белоус, человек Артемия Измайлова, «сбежал от него в 141 году в великий пост и пришел к казакам в Рославль и ходил с казаки» (ЦГАДА, Приказный стол, стб. 69, л. 131).

⁶⁰ АМГ, т. I, № 543, стр. 516.

⁶¹ Там же, № 544, стр. 516—517.

ных общественных элементов. 2 октября в Брянске были задержаны два казака, скупавшие в лавках порох и свинец; они оказались бежавшими из-под Смоленска в Рославль, «а товарищи де их, которые с ними прибежали из-под Смоленска, остались в Рославле для воровского собрания с атаманом с Федосейком Мамонтовым, а всех же их ныне прибежало с твоей государевой службы из-под Смоленска в Рославль тысячи с полторы». Характерна правительственная помета от 31 октября на этой отписке, исполненная большой тревогой: «Бояре приговорили: ...велети тех воров пытать накрепко и огнем жечь», дабы точно выяснить, когда бежали, сколько человек, из каких полков, кто были вожаки, «и после их при них из-под Смоленска иные солдаты в Рославль прихаживали ль, и сколько их пришло, и сколько их всего в Рославле, и для чего зелье и свинец покупали, и куда им было идти»⁶². Последний вопрос был особенно важен: ведь в октябре 1633 г., тотчас после смерти партиарха Филарета Никитича, Москва уже могла стать центром притяжения для разных оппозиционных общественных сил.

Мятежный лагерь под Рославлем быстро рос. 5 октября туда пришли из-под Смоленска еще 1200 донских и яицких казаков во главе с атаманом Анисимом Чертопрудом и другими. Толчком к их уходу из-под Смоленска явилось частичное отступление в конце сентября полковн. Семена Прозоровского и разрыв окружения Смоленска под давлением поляков⁶³. Своим уходом казаки выражали протест против пассивного ведения войны, своего рода недоверие командованию. Григорий Ростопчин в октябре снова ходил под Смоленск и привел оттуда новую группу людей⁶⁴.

В то же самое время протест иной, социальный, толкал в рославльский лагерь множество людей тыловых. Сюда бежали и солдаты из-под Вязьмы, Можайска, Дорогобужа, Брянска, и посадские люди из самых различных городов, и, в особенно большом числе, — крепостные крестьяне и холопы из разных областей России, включая даже Сибирь, Урал, Север, Поволжье, но более всего — из центральных уездов, наконец, — «гулящие люди»⁶⁵. Особую важность имело то, что осенью же 1633 г. в Рославль начались побегу разных людей из Москвы⁶⁶.

Своеобразным дополнением к остальным данным об истории образования Рославльского лагеря является челобитная царю и патриарху брянского духовенства и дворянства, поданная через брянских воевод 10 октября 1633 г. Она ясно показывает, что Рославльский лагерь стал возбудителем антифеодальных выступлений окрестных крестьян и убежищем для них. Искусственность этой челобитной состоит только в том, что она приписывает роль покровителя и чуть ли не организатора «воровства» рославльскому воеводе кн. Д. Т. Сеитову⁶⁷. В связи с этим стоит, по-види-

⁶² АМГ, т. I, № 580, стр. 543, Отписка брянских воевод.

⁶³ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 69, лл. 185, 201, 208.

⁶⁴ Там же, л. 327.

⁶⁵ К примеру: «Мишка Андреев сын Акулин из-за Казани малмыжанин, гулящий человек, пришел к Москве с терскими казаки, с Москвы шол в Рославль, с казаки был с языки из Рославля» (там же, л. 348).

⁶⁶ Например, «Андрюшка Овдокимов жил на Москве... в наймах, а с Москвы сбежал и пришел в Рославль в осень нынешнего 142 г.» (там же, л. 183); «К. Афонасьев, сказался вольный человек, родом москвитин посадский человек, а пошел к казакам в Рославль тому ныне другой год» (там же, л. 190); московский стрелец «с Москвы сбежал нынешней зимы об рождестве и пришел к казакам в Рославль» (там же, л. 218) и т. д.

⁶⁷ Эта челобитная, подписанная брянским архиморитом, игуменами, протопопом, попами, дьяконами, дворянами и детьми боярскими, гласит: «В прошлом, государи, во 1633 году сбежали с вашей государевой службы из-под Смоленска кормовые дети боярские и с казаки шли через Брянский уезд, крестьянишек наших грабили, и жгли, и ломали. были в твоей государевой Комарицкой волости воровали, и в Курске были, а из Курска и из Комариц, иззапасишь, пошли было те казаки и кормовые дети боярские по вашему государеву указу опять под Смоленск, и как были в Рославле и кн. Дм. Сеитов тех казаков и солдат под Смоленск не пустил, в Рославле поставил

мому, решение боярской думы от 30 октября («бояре приговорили, как государь укажет»), записанное на обороте: послать в Рославль «дворянина добра» — специального воеводу к вольным казакам, с задачей переписать всех их, выяснив, кто откуда побежал в Рославль, а воров из холопов и крестьян, как и посадских людей «переимать» и отдавать под расписку челобитчиком, «чтоб им быть по прежнему»⁶⁸. Но рославльский воевода Д. Т. Сеитов был вне подозрений. Он сам точно так же доносил в Москву, что в Рославль самовольно стекаются казаки, которых ему выслать на государеву службу под Смоленск «некем», так как ратных людей в Рославле немного, и которые для прокормления совершают разъезды по Рославльскому и Брянскому уездам, где чинят грабежи, захватывают хлеб, сено и скот. На обороте этой отписки, поступившей в Москву 6 ноября, помета гласит: «Государь, сей отписки слушав, [указал] послать к казакам дворянина добра, а ему в наказе написать, как о том преж сего указано»⁶⁹. Словом, с Рославльским лагерем решено было применить ту же тактику, что и с Балашом.

В нашем распоряжении есть и текст этого наказа воеводе Илье Васильевичу Наумову, подписанного, однако, лишь месяц спустя, 6 декабря, — сейчас мы увидим почему. Наказ сообщает, что к прежнему отряду казаков под Рославлем пришли из-под Смоленска еще кормовые дети боярские, донские и яицкие казаки, так что общее число их достигает 3000 человек. Кроме того, имеется неопределенное число «вольных всяких людей, которые к ним пристали». Как видно из дальнейшего, это в основном крестьяне, ищущие возможности освободиться от крепостной зависимости. Задача И. Наумова состояла в том, чтобы расколоть эти две составные части отряда. Он должен был разъяснить детям боярским и казакам их проступок перед «государевым и земским делом», обещать им царское прощение и выплату жалованья и, после смотра и переписи, вести их под своим командованием к Дорогобужу в армию Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского или же, по вестям, даже непосредственно в бой против «литовских людей и черкас» (для каковой цели с ним было отпущено из Москвы 20 пудов мушкетного пороха и 40 пудов свинца). Самая деликатная часть отнесена в особую «память»: «будет дети боярские и атаманы и казаки учнут о той статье говорить, что ныне с ними боярские и всяких чинов крепостные и старинные люди и с пашен крестьяне, и государь бы их пожаловал, велел тем людям и вперед в службе быть с ними, с детьми боярскими и с атаманы и с казаки, а для службы пожаловал бы государь, велел им от бояр их и пашенным крестьянам для нынешние службы свободу учинить, и Илье де тем детям боярским и атаманам и казакам про тех людей говорити: как государь... послал меня на свою государеву службу к вам, и то государю ведомо, что вы — дети боярские и атаманы и казаки, которые были под Смоленском, а про таких людей, что

на посаде и корм им давал без вашего государева указа. И послышав, государи, то, что он, кн. Дмитрий, корм дает в Рославле, многие казаки и кормовые дети боярские из-под Смоленска, иные с Москвы из боярских дворов, идут к нему кн. Дмитрию по Брянскому уезду, наши вотчинишки и поместьишки грабят и крестьян жгут и ломают. И от нас, холопей ваших, люди наши и крестьяне многие заворовали, побрали животы наши, лошадей и всякую служивую рухледь, и стрельцы из Брянска бегают московские и брянские для воровства к нему кн. Дмитрию. А нынеча, государи, в Рославле собралось воров больше двух тысяч, а из Рославля приходят во Брянский уезд, монастырские и наши вотчины и поместьишки грабят... и нас, холопей ваших, побивают, и хлеб наш нашими же крестьянами везут к себе в Рославль. А мы, богомольцы ваши и холопы, от тех воров во Брянске в осаде, от его кн. Дмитриева воровства, беззапасны и безлюдны, а все службы, что было, государи, у нас, холопей ваших, людей, и те все со всею нашею службою выбежали к нему в Рославль... Велите об его, кн. Дмитрия, воровстве свой государский указ учинить, чтобы нам, богомольцам и холопам вашим, от воров вконец не погибнуть и голодной смертью не помереть, а тех, государи, беглых наших людей и крестьян велите нам отдать. Государи, смилуйтесь, пожалуйста» (ЦГАДА, Приказный стол, стб. 76, лл. 196—197).

⁶⁸ Там же, лл. 193—197.

⁶⁹ АМГ, т. I, № 584, стр. 544—545, Отписка рославльского воеводы.

Меж вас есть люди и крестьяне боярские, государю неведомо и со мною о том государева указа нет, и вам бы имена свои дать и о том я стану писать к государю, и государь о том велит свой царский указ учинить; а вы бы ныне шли на государеву службу со мною и государю служили, а государь вас пожалует, как вы будете на его государеве службе у бояр и воевод, велит вам свое государево жалование давати корм»⁷⁰.

Итак, жизнь подсказывала правительству путь к победоносному окончанию войны, к неограниченному пополнению армии: обещать желанную свободу тем крепостным крестьянам, которые пойдут воевать. Но правительство предпочло мелкую хитрость: сделать вид, что ему не известно это желание народа, хотя оно было отлично ему известно, о чем свидетельствует «память» И. Наумову. Естественно, что и миссия Наумова, основанная на обмане, не могла увенчаться прочным успехом.

Но вернемся сначала немного назад. Как мы видели, решение послать под Рославль к казакам «дворянина добра» для переговоров было окончательно принято около 7 ноября 1633 г. Но оно не было в тот момент осуществлено. Очевидно, оно было тогда практически неосуществимо или представлялось опоздавшим. Об этом, может быть, свидетельствует память из Разряда, данная через двенадцать дней, 19 ноября, боярину князю Ю. Я. Сулешову и дьяку Ф. Витовтову: им предписывалось произвести в Москве перепись всех дворов и всех проживающих в них людей и установить «кто с каким ружьем; а у которых людей ружья нет, и тем, смотря по людям, велети держати пищали длинные. А переписав и сделав перечневую роспись людям и кто с каким боем, доложить о том государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу»⁷¹. Этот любопытный документ не может быть объяснен ни угрозой татарского нападения на Москву, ибо в ноябре 1633 г. о татарах не было и слуху⁷², ни какой-либо непосредственной опасностью Москве со стороны поляков, ибо армия Владислава была еще в Смоленске. Остается заключить, что поголовная перепись и вооружение жителей Москвы («и тем людям велети у себя держати ружья-пищали добрые, чтобы у всяких людей были пищали», правда, с оговоркой «смотря по людям»), что это ополчение москвичей было предназначено против казацко-крестьянского войска, собравшегося под Рославлем. Поступили известия, что его значительная часть выступила в поход куда-то, а о попытках отдельных отрядов двигаться в Москву, например, под предлогом доставки пленных литовских и польских людей, было хорошо известно и ранее.

Действительно, основная часть казацкого отряда дважды в ноябре выступала из-под Рославля во главе с атаманами Анисимом Чертопрудом, Иваном Теслевым и др. Однако, как оказалось, они направлялись не в Москву, а в Смоленский уезд, где вели успешные партизанские бои с польско-литовскими войсками⁷³. В конце ноября под Рославлем оставалось из 3000 всего 500 человек казаков, и именно когда это стало известно, Наумов был отправлен для переговоров, очевидно по отдельности сначала с этой оставшейся частью, а затем уже, в случае успеха, с той, которая была в походе⁷⁴. Но все получилось иначе, ушедшие в поход успели вернуться, и отъезд Наумова был еще задержан. 7 декабря значительная часть казачьего войска снова пошла в поход под Мстислав и Могилев, под руководством атаманов Т. Коробкина и Ф. Тарбеева. В конце концов Наумов был отправлен и прибыл в Рославль в конце декабря 1633 г.

Колебания правительства с отправкой «дворянина добра» в Рославльский лагерь в течение более чем полутора месяцев (ноябрь — декабрь)

⁷⁰ Там же, № 591, стр. 548—550, Наказ Илье Васильевичу Наумову.

⁷¹ Там же, № 586, стр. 545—546.

⁷² См. А. А. Новосельский. Указ. соч.

⁷³ ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 253—255 (грамота Д. Сеитову); лл. 289—294 (грамота И. Наумову); лл. 377—378 (грамота Д. Черкасскому и Д. Пожарскому).

⁷⁴ АМГ, т. I, № 591, стр. 548—549.

свидетельствуют, конечно, о недостаточных шансах на успех, о боязни этого движения, как самостоятельной силы. Что же делало московское правительство в ноябре и декабре, чтобы изменить политическую ситуацию в свою пользу?

Во-первых, мы видим целую серию государственных актов, направленных к смягчению недовольства служилого военного сословия, низших слоев дворянского класса: царская грамота 22 ноября 1633 г. о выдаче раненым на войне людям жалованья на лечение; память 27 ноября 1633 г. о нетребовании даточных людей с поместий и вотчин вдов, коих мужья убиты на войне в 1632 и 1633 гг.; царский наказ 7 декабря 1633 г. о раздаче денежного жалованья воинским людям, находившимся на государевой службе под Смоленском; царский наказ от 18 декабря 1633 г. о раздаче денежного жалованья состоящим на государевой службе мелкопоместным и беспоместным стольникам, стряпчим, московским дворянам и жильцам по причине их бедности⁷⁵. Несомненно, что эта серия актов говорит об определенном политическом курсе: правительство искало укрепления своей социальной и военной базы и одновременно стремилось оторвать низшие слои дворянства от участия в казацко-крестьянском движении, тем самым политически изолируя последнее. И в самом деле, участие кормовых дворян и детей боярских в «балашовщине», бывшее на первом этапе характерным, в дальнейшем, как явствует из всех имеющихся документов, становится все более редким исключением.

Во-вторых, в те же недели, но только не с нарочитой гласностью, а, напротив, в глубочайшей тайне, правительство предприняло шаги к началу мирных переговоров с Польско-Литовским государством. Дальнейшая затяжка войны была нежелательна не с военной точки зрения, ибо противник был ослаблен более Московского государства, резервы которого оставались еще значительными, но потому, что московское правительство нуждалось в своих военных силах для наведения внутреннего порядка. С величайшими предосторожностями боярину Шеину с товарищами под Смоленск были направлены сначала 28 ноября, затем, вторично, в декабре 1633 г., условия мира и инструкции выяснить готовность поляков к заключению такового⁷⁶. Но оба эти послания не дошли, так как к этому времени коммуникации между Москвой и Смоленском были прерваны противником. Поляки перехватили и первого и второго тайного гонца и нашли грамоты, хотя и зашитые в сапогах.

Следует, кстати, учесть, какое впечатление должно было произвести на боярина Шеина то, что о перехваченных грамотах, о желании русского правительства прекратить войну, он узнал лишь из уст поляков, конечно, передавших ему все это в соответствующей окраске, как доказательства безнадежности его положения⁷⁷. Это помогает понять его неожиданную для Москвы капитуляцию в феврале 1634 г. С другой стороны, следует учесть, что и московское правительство не знало, по крайней мере до последних чисел декабря, о том, что инструкции (в частности, вторая, посланная с опытейшим связным Артемием Огибаловым) до Шеина не дошли. Во второй половине декабря правительство действовало, несомненно, исходя из предположения, что Шеин уже осуществляет данные ему указания, что сделан решительный шаг к прекращению войны. С другой стороны, в те же дни подготавливалось решение поддержать мирные переговоры концентрацией всех воинских резервов под командованием Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского.

В этот момент и был отправлен в Рославль воевода Наумов — попы-

⁷⁵ ААЭ, т. III, № 234, 235, 237, 238, стр. 343—344, 350—354.

⁷⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор, т. III, стр. 53; W. Godziszewski. Polska a Moskwa za Władysława IV, Kraków, 1930, s. 13.

⁷⁷ См. напр., письмо кн. Радзивила к М. Б. Шеину 24 декабря 1633 г. (Отрывки из дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом 1632—1634, «РИБ», т. 1, 1872, стр. 742).

таться миром вернуть казаков к государевой службе⁷⁸. Наумов, несомненно, использовал прочно владевшую казачеством иллюзию, что они лишь по-своему служат государю. Они оправдывали свое поведение именно тем, что проливают и готовы проливать кровь в борьбе с внешними врагами царя и православной церкви⁷⁹. Наумов, вручив казакам царские грамоты, получил формальное признание своего главенства. В дальнейшем он, как и Д. Сеитов, приписывал себе посылку 29 декабря части казаков против польского отряда, появившегося в деревне Охмаре Смоленского уезда, донося о выигранном сражении и захваченных языках⁸⁰. Когда затем 14 января польский отряд в 2500 человек подступил к Рославлю, Наумов с похвальбой доносил в Москву о двухдневном сражении, о победе, о захваченных трофеях и пленных⁸¹.

Однако власть Наумова над рославльским войском оставалась номинальной. Ни одного из своих главных заданий он не смог выполнить. «Вольные казаки» упорно не предоставляли ему своих поименных списков⁸². Не смог Наумов и отколоть солдатско-казачью часть войска от крестьянской, тем более «поймать» крепостных и холопов. И беглые крестьяне, и местные, по домам которых стояли казаки, являлись не только опорой отряда, но, видимо, и носителями наиболее решительных тенденций, наиболее смелых мыслей движения. Так, тотчас по уходе войска из Рославля, 6 февраля, был схвачен местный крестьянин Савва Стимов, у которого стояли казаки, по доносу, что он говорил «непотребные слова» о государе: «Как де мне дано пристанство казаков десять человек, и я бы их кормил [хоть] все лето. Да он де говорил нам: мне де видится, что царь не прирожденный». На допросе С. Стимов в тех словах признался⁸³. Подавляющая масса крестьян, связанных с отрядом, конечно, выступила бы в поход вместе с ним, если бы дело дошло до осуществления царского указа идти в войско бояр Черкасского и Пожарского. Но Наумов и этой своей задачи не мог выполнить: партизанские рейды и сражения были для казаков лишь предлогом для оттягивания выполнения этого указа⁸⁴.

⁷⁸ Кроме цитированного наказа И. Наумову от 7 декабря 1633 г. см. одновременную царскую грамоту к рославльскому воеводе Д. Сеитову (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 253—255), царскую грамоту всем воеводам и приказным людям об оказании И. Наумову содействия в пути (там же, л. 279), царскую грамоту, датированную 6 декабря, к Рославльскому лагерю — детям боярским кормовым и донским и яицким атаманам и казакам: как дата возникновения Рославльского лагеря указано 5 октября; далее исчисляются их вины и измены, говорится о тяжелом положении М. Шеина под Смоленском; приказывается идти с И. Наумовым к Д. Черкасскому и Д. Пожарскому на государеву службу и дается обещание в этом случае их вины им отдать и впредь не вспоминать, жаловать царским жалованьем (там же, лл. 273—278). Для облегчения сближения И. Наумова с казаками ему было безденежно выдано везти с собою 30 ведер вина (там же, л. 282). И. Наумов прибыл в Рославль 28 декабря 1633 г. Он отнюдь не претендовал на права воеводы Д. Сеитова, а, напротив, с самого начала «сносился», действовал совместно с последним (см. напр. АМГ, т. I, № 707, стр. 651). Вдогодку И. Наумову уже 31 декабря была послана новая царская грамота с указанием немедленно выступать против литовских людей, идти к боярам Черкасскому и Пожарскому (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 287—288).

⁷⁹ Еще до приезда Наумова они пытались легализовать свое положение: 16 декабря группа казаков послала через Д. Сеитова коллективную челобитную царю о выдаче им жалованья (там же, лл. 352—366).

⁸⁰ Там же, лл. 303—304; АМГ, т. I, № 610, стр. 570.

⁸¹ ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 329—335 (отписка И. Наумова, полученная 25 января 1634 г.), лл. 367—368 (отписка Д. Сеитова, полученная тогда же), лл. 339—343 (благодарственные царские грамоты от 27—28 января); АМГ, т. I, № 707, стр. 650—652, Дело по челобитью Ильи Наумова в 1635 г. о пожаловании его за службы и за промысел поместною и денежною придачею.

⁸² Снова и снова повторяет он в своих отписках в Москву, что этих списков ему под тем или иным предлогом все еще «не принашивали» (см. напр., ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 301, 395 и др.).

⁸³ Там же, стб. 101, л. 410.

⁸⁴ В начале февраля 1634 г. Наумов получил очень грозную царскую грамоту, указывавшую на невыполнение многократно повторенного приказа идти к боярам и обвинявшую его в нерадении к государеву и земскому делу (там же, стб. 98, лл. 345—347).

Вскоре по прибытии Наумова в Рославль, 6 января 1634 г., казаки направили через него в Москву в форме двух челобитных царю свои предварительные условия, в сущности весьма решительные, хотя и прикрытые изъяснениями готовности беспрекословно выполнить царскую волю и идти на его службу. Челобитные написаны от имени не только казаков и их атаманов, но и «всяких вольных людей». Требования их можно свести к четырем пунктам: 1. Поскольку казаки и находящиеся с ними вольные люди ходят в Литву и Смоленский уезд против государевых недругов, а захваченных пленных («языков») отсылают в Москву, им должен быть открыт свободный пропуск через Брянский уезд в Москву; несомненно, что доставка пленных — лишь предлог, что дело идет о возможности прямых сношений с Москвой и прямого воздействия на царскую политику. 2. Правительство должно пресечь действия брянских дворян, т. е. в разгорающейся борьбе между ними и казацко-крестьянской вольницей взять сторону последней; с этой целью виновниками всех столкновений представлены брянские дворяне, не желающие де давать проезду «с языками» к царю⁸⁵. 3. Поскольку с челобитчиками за рубеж и в Смоленский уезд ходили «в казаках» боярские и княжеские люди (т. е. крепостные крестьяне, холопы), как и всякие вольные люди, должно быть приказано за всех этих людей «не иматься». 4. Должно быть приказано также «не иматься» за захваченное челобитчиками у бояр, дворян, детей боярских и всяких чинов людей разнообразное имущество — лошадей, оружие, платье; предложено должно служить то, что все это имущество якобы было «отбито» во время походов за рубеж у польских и литовских людей⁸⁶.

Эти челобитные были получены в Москве 23 января 1634 г. и тотчас доложены царю и боярам⁸⁷. В эти дни в Москве уже знали о трудностях на путях к миру с Польско-Литовским государством, о тяжелом положении Шеина, готовили Земский собор для снаряжения новой армии. В этих условиях небольшой победе под Рославлем (14—15 января) было придано большое значение, а требования рославльского войска решено было принять, хотя и в смягченной, компромиссной форме, — лишь бы оно немедленно выступило на фронт под командованием Черкасского и Пожарского. 25 января были посланы царские грамоты Наумову и казакам. При условии немедленного выступления давалось согласие на третье и четвертое из перечисленных требований: отпуская им прошлые вины, царь не велел «иматься» дворянам, и детям боярским, и всяких чинов людям за имущество (оружие, лошадей и платье), хотя и «русское», захваченное казаками у литовских людей в боях и за рубежом, и за «вольных людей, которые ныне с ними»⁸⁸. В этих формулировках все очень уклончиво и до-

⁸⁵ «...И брянчане дворяне и дети боярские нас, холопей твоих, убивают до смерти, и грабят и в воду сажают, проезду от них нет, и с языками к тебе, государю, от тех брянчан дворян и детей боярских, от их убойства и грабежу, нельзя проехать. И мы, холопы твои, от тех брянчан, от их убойства и грабежу, вконец погibli: Милосердый государь (титул), пожалуй нас, холопов своих, вели государь нас, холопов своих, тем брянчанам дворянам и детям боярским пропустить к себе государю к Москве с языки, чтоб нам, холопам твоим, от тех брянчан вконец не погибнуть и от твоей бы царской службы не отстать, и в убойстве дворянам и детям боярским брянчанам своей государев указ учинить» (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, л. 311).

⁸⁶ Там же, л. 312.

⁸⁷ Там же, л. 310 об.

⁸⁸ Там же, л. 313—320, 321—328. Вот как в этих грамотах воспроизводится содержание соответствующей челобитной: «А из Рославля для промыслу и для языков ходили они за рубеж, и Литовскую землю воевали, и многих литовских людей побивали, и языки имали. И в тех же походах на боях у литовских людей имали русское ружье, и платье, и лошадей. Да с ними же ныне в службе дети боярские разных родов, и всякие вольные люди. И за то де громленое ружье, и за платье, и за лошадей у них имаются дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди, также и за охочих людей, которые ныне [с ними на] службе, дворяне и дети боярские имаются. И нам бы их пожаловать — за погромленое ружье, и за платье, и за лошади, и за охочих людей, которые ныне с ними, иматься не велеть» (там же). Информация об этих челобитных была уже 24 января отправлена боярам Д. Черкасскому и Д. Пожарскому (там же, лл. 371—376), а 27 января им направлена грамота о том, чтобы они со своей стороны

пускает разное толкование. Можно ли требовать с казаков имущество, если будет доказано, что оно захвачено не у литовских людей, а в Брянском или Рославльском уездах? В лагере, конечно, истолковали пожалование в смысле права удержать всякое захваченное имущество. Означает ли запрещение «иматься» «за вольных людей» защиту именно вольных людей или предоставление воли крепостным и холопам, присоединившимся к казакам? В лагере, несомненно, и это истолковали в смысле полного удовлетворения своей просьбы, тем более, что в грамоте к казакам далее ставилось специальное условие: никаких новых охочих людей, «оприч тех, которые ныне с вами, к себе (зачеркнуто: в войско.— Б. П.) не принимать, чтоб меж вами с дворянами и с детьми боярскими в том споров никаких не было»⁸⁹.

На основе достигнутого компромисса (который, как вскоре стало ясно, стороны толковали совершенно по-разному), И. Наумов смог, наконец, 6 февраля 1634 г. поднять в поход эту большую неоднородную массу, так долго стоявшую лагерем под Рославлем⁹⁰. Что касается двух первых требований, указанных выше, то, хотя царская грамота умалчивала о них, сама жизнь, казалось, уже дала некоторые ответы. В частности, несмотря на мольбы из Брянска, чтобы Наумов с казаками не шел через Брянский уезд, войско выбрало именно эту дорогу, и Наумов должен был согласиться⁹¹.

Это значит, что путь неминуемо должен был начаться со сведения войском счетов с брянским дворянством и духовенством, что, конечно, не сулило спокойного развития дальнейших событий.

Еще раньше началась самовольная практика поездок в Москву «станец» (отрядов) вольных казаков под предлогом доставки «языков» (пленных), знамен и разных трофеев. Нам особенно важно остановиться на посещениях Москвы двумя самыми мятежными прославленными казачьими атаманами: в первый раз Анисимом Чертопрудом с есаулами и 50 казаками, во второй — Иваном Теслевым с есаулами и 90 (по другим данным — 131) казаками. Эти поездки в Москву внесли нечто существенно новое в историю движения, в известной мере подняли его на новую ступень, содействовали появлению в нем новых социальных и политических оттенков.

Анисим Чертопруд прибыл в Москву 3 января 1634 г. С санкции рославльского воеводы Д. Сеитова он привез, вместе с А. Сараевым, десять пленных, из захваченных в ноябре и декабре, а также казачью челобитную⁹². Формально пребывание Анисима Чертопруда с казаками в Москве завершилось самым мирным образом. Видимо, он обещал лояльно нести государству службу под начальством Наумова, а правительство, испуганное его делами на Москве и остро заинтересованное в пополнении новой армии Черкасского и Пожарского, предпочло спровадить его с почетом. 21 января он был отпущен с грамотами к Черкасскому и Пожарскому, к

немедленно потребовали от И. Наумова выступить в поход и прислать именные списки (там же, лл. 382—384). Ответ Д. Черкасского и Д. Пожарского о том, что И. Наумов пока прислал к ним лишь небольшую группу казаков с двумя пленными поляками (см. там же, лл. 385—388).

⁸⁹ ЦГАДА, Московский стол, л. 321. Позже, в феврале, в царской грамоте к Д. Черкасскому и Д. Пожарскому, сообщающей о выступлении к ним войска И. Наумова, говорилось, что идут «кормовые дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие охочие люди, и холопе боярские», и предлагалось, если по пути из них «кто учнет воровать, бить и грабить и всякое насильство делать, или учнет принимать холопей боярских и вольных людей, и тех от воровства унимать и наказывать» (там же, лл. 389—392).

⁹⁰ С ними же двинулись и многие стрельцы Рославльского гарнизона (ЦГАДА, Приказный стол, стб. 69, лл. 228—229).

⁹¹ Там же, стб. 76, лл. 172—173.

⁹² ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 289—294 (царская грамота И. Наумову); лл. 377—381 (царская грамота Д. Черкасскому и Д. Пожарскому); л. 352 (отписка Д. Сеитова).

которым должен был сначала заехать⁹³, а также к Наумову и к рославльским казакам. Последних царская грамота призывала «от нынешнего своего самовольства отстать и тем вину свою покрыть» и идти немедленно в полки к боярам — в Вязьму или Дорогобуж⁹⁴. Еще одна специальная грамота к Наумову гласила: «По нашему указу послано к тебе с яйцким атаманом с Анисимом Чертопрудом и с казаки знамя дорогильное, да десять знамен киндяшных. И как к тебе ся наша грамота придет, а атаман Анисим Чертопруд с товарищи те знамена к тебе привезет, и ты бы те знамена взял и роздал детям боярским, и атаманам, и казакам, которые с тобою в полку, по сотням, да о том к нам описал с иными нашими делами»⁹⁵.

Однако за этой официальной декорацией скрывалось нечто совсем иное. Будучи на Москве, Чертопруд с товарищами встретили сочувствие и надежды со стороны городских низов и, особенно со стороны весьма обильного в столице социального слоя — холопов, принадлежавших боярам, дьякам, дворянам. Многие из них захотели уйти с Чертопрудом в вольные казаки, и он со своей стороны организовал их бегство⁹⁶. Примкнули к ним и находившиеся в Москве приехавшие крестьяне из других областей⁹⁷. Примкнули и крестьяне некоторых подмосковных поместий и кое-кто из москвичей посадских людей⁹⁸. Мы не можем сказать точно, сколько людей свел с собою Чертопруд с Москвы, но, во всяком случае, складывается впечатление, что их было много.

В пути отряд Чертопруда продолжал возрастать. Как сообщал козельский воевода, доехав 8 февраля до Козельска, Анисим Чертопруд с товарищами «взбунтовали» тамошний гарнизон, беломестных казаков и стрельцов, которые с воевода стрелецких пятидесятников и атаманом «своровали» и сбежали «к тем рославльским казакам», ожидавшим их в условленном месте, в Дудинских волостях. «И дворянские многие люди (т. е. крестьяне.— *Б. П.*), к ним же, казакам, бегают», продолжает козельский воевода⁹⁹.

Перейдя в Брянский уезд, Чертопруд 15 февраля встретился там с основным рославльским отрядом, шествовавшим под командованием Наумова. Согласно жалобе последнего, присланной тотчас в Москву, хотя по государственной грамоте велено было знамена передать ему, Наумову, для раздачи, Чертопруд указа не послушался и самовольно роздал знамена в кругу. «И почала быть непослушанья и шарпанья великая. И привел казаков на воровство». Наумов сообщает, что его ни в чем не слушают, на государеву службу к боярам Черкасскому и Пожарскому не идут, «и впредь неведомо что будет»¹⁰⁰.

Действительно, как мы увидим, со времени поездки Чертопруда в Москву движение явственно начинает утрачивать свою еще сохраняющуюся

⁹³ ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 377—381; Черкасский и Пожарский со своей стороны вручили Чертопрудом послание к Наумову, призывая последнего тотчас идти к ним в полки с детьми боярскими, казаками и охочими людьми (см. их отписку в Москву 9 февраля, там же, лл. 385—388).

⁹⁴ Там же, лл. 295—299. См. царскую грамоту И. Наумову (там же, лл. 289—294).

⁹⁵ АМГ, т. I, № 608, стр. 569. Государева грамота воеводе Илье Наумову.

⁹⁶ В последующих сыскных делах, в списках личного состава казацко-крестьянских отрядов мы находим большое число записей вроде такой: «Г. Иванов, сказался боярский человек Микиты Бобарыкина, а пристал к казакам на Москве к Чертопрудом и с ним съехал в Козельск с Чертопрудом» (ЦГАДА, Приказный стол, стб. 69, л. 200; ср. лл. 139, 143, 235; стб. 75, лл. 184—186; стб. 80, л. 213).

⁹⁷ Напр., «К. Савельев, суздалец, крестьянский сын, пришел к Москве тому ныне года с полтора, а с Москвы сшел с боярскими холопи в нынешнем во 142 году в великий пост и пристал к казакам в Дудинской волости» (там же, стб. 69, л. 309); «М. Омельянов, Козельского уезда крестьянин И. Чичерова, сбежал в Рославль с атаманом с Онисимом Чертопрудом как Онисим поехал с Москвы с грамоты в Рославль»; то же сделали еще двое козельских крестьян (там же, л. 250; ср. лл. 53, 139, 140, 145, 210, 212).

⁹⁸ Там же, лл. 131, 186, 190, 194, 208—213, 217—218, 232.

⁹⁹ АМГ, т. I, № 621, стр. 575—576, Отписка козельского воеводы.

¹⁰⁰ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 76, лл. 18—21.

партизанскую окраску и приобретает более ясно выраженный бунтарский и социальный характер.

Но прежде чем рассматривать дальше этот процесс, вернемся еще раз в Москву. Ровно через неделю после отъезда Чертопруда, 28 января 1634 г. был созван Земский собор. Причиной его созыва явилась ясно обнаружившаяся необходимость принимать меры к продолжению Смоленской войны. Неудача первых попыток затеять мирные переговоры с поляками поставила правящие круги лицом к лицу с перспективой военного поражения, если не будут приняты срочные меры для высвобождения армии Шеина из окружения и для замены ее под Смоленском свежей армией. 30 декабря окончательно был утвержден план (зародившийся еще в октябре) создания новой большой армии в Можайске под командованием Черкасского и Пожарского, и им был дан наказ готовиться идти на смену Шеину¹⁰¹. Правда, в ближайшие дни появился польский гонец Николай Воронец и подготовка к мирным переговорам все-таки началась. Однако поляки, зная об острой потребности мира для Москвы, заняли несговорчивую позицию, так что все равно для достижения почетного мира, по-видимому, требовались новые военные усилия. А для снаряжения новой армии нужны были новые деньги, сбор которых был сопряжен с недовольством тех или иных облагаемых сословий, тогда как социально-политическая обстановка и без того была достаточно напряженной. Земский собор, открывшийся, а может быть, и закончившийся 29 января 1634 г., должен был облегчить разрешение этой нелегкой задачи. По-видимому, его единственным решением и было определение касательно пожертвования всеми государственными сословиями денег на жалованье ратным людям по случаю стеснения русских войск поляками под Смоленском¹⁰². В начале февраля принимались энергичные меры для ускорения сбора этих денег и выступления Черкасского и Пожарского, однако не дождавшийся помощи Шеин 16 февраля подписал документ о капитуляции своей армии.

Характерно, что в правительственной речи при открытии Земского собора (прочитанной или кн. Б. И. Черкасским или дьяком Иваном Гавреневым) распад армии Шеина объяснялся исключительно крымскими набегами, а о бегстве в «вольные казаки» не говорилось ни слова¹⁰³. Это может создать впечатление, что крымский вопрос был тогда главной заботой правительства¹⁰⁴. Но умолчание здесь выразительнее слов. Ведь о Рославльском лагере, о казаках «балашова полка» знали все. Встряхнувший только что Москву визит Чертопруда был многозначительным напоминанием, и может быть именно поэтому официальная идеология искала концепций, позволяющих обойти это явление молчанием.

Тотчас после собора, 8 февраля 1634 г., в Москве появился новый гость того же рода — атаман Иван Теслев с другими атаманами и есаулами и с большим числом казаков, тоже привезший польских пленников¹⁰⁵. На этот раз, как говорится, количество перешло в качество. Правда, сначала с ними начали ту же игру в любезности, как и с Чертопрудом. Они были допущены «царские очи видеть», и «у стола были», и получили обильные награды деньгами и сукнами. Но Теслев, видимо, не обладал лукавством

¹⁰¹ «Книги разрядные», т. II, стр. 557—568; ААЭ, т. III, № 239, стр. 354—359.

¹⁰² ААЭ, т. III, № 242, стр. 365—370. Тем же числом, т. е. 29 января, датированы и 7 писем на немецком языке от имени царя Михаила Федоровича к иноземным полковникам армии Шеина с изложением русско-польских переговоров и с призывом продолжать военные усилия в ожидании скорого прибытия на помощь армии Черкасского и Пожарского; письма эти, видимо, не удалось переправить адресатам, они сохранились в подлинниках, с печатями, скрепленные подписью думного дьяка Ивана Грязева (ЦГАДА, Дела польские, 1634, стб. 3).

¹⁰³ «Книги разрядные», т. II, стр. 611—621.

¹⁰⁴ А. Н. Зерцалов. О Земском соборе 1634 г. «Чтения ОИДР», 1894, кн. III.

¹⁰⁵ Сначала, еще 23 января, в Москву присланы были Наумовым несколько пленных с атаманами Т. Корякиным и Н. Воронковым (ЦГАДА, Московский стол, стб. 98, лл. 303—309). См. «Имена казакам, которым ехать к Москве с литовскими языки с атаманом с Иваном Теслевым» (там же, лл. 393—394).

Чертопруда. Через некоторое время ему было предложено покинуть Москву. «И атаман Ивашко Теслев нашего указу не послушал, — говорилось в царской грамоте к Илье Наумову от 12 марта 1634 г., — на нашу службу с Москвы не пошел и учал воровать (зачеркнуто: к себе боярских людей подговаривать на Москве воровать. — *Б. П.*) и от бояр наших и от окольных чьих и от дворян ото всяких людей холопей многих подговорил со многими их животы, а в черных слободах у посадских и у всяких жилецких людей сильно поимали детей так же со многими животами». Это уже было похоже на попытку организации не только бегства, но и «воровства на Москве» — бунта столичных холопей и посадской молодежи. В последних числах февраля хозяевами положения в известной мере были казаки Теслева со своими союзниками. Так, 28 февраля дети боярские и стрельцы, посланные для поисков беглых людей Оверкиева, явившись в Голутвину слободу, на двор к рославльским казакам, поймали было одного из этих беглых, Федьку, но тогда казаки, выбежав из всех домов, подняли крик и саблями отбили его у пришельцев. Последним, правда, удалось захватить одного казака, но, приведенный в Разряд, он отговорился незнанием местонахождения людей Оверкиева, хотя и не отрицал, что они скрываются у казаков¹⁰⁶. Теслев попытался, видимо, прервать сношения московских властей с воеводами городов, откуда могли бы быть присланы ратные люди: «да атаман же Ивашко Теслов с советники своими, с боярскими холопы, за Московю рекою гонца калужского, сына боярского Головина пограбили, а отняли у него отписки в Москву от калужских воевод». Но никакого плана борьбы за Москву все же не видно. В основном брал верх холопский помысел о побеге. «Холопы боярские собираются в Голутвине слободе (где стояли казаки Теслева. — *Б. П.*) и по Калужской дороге в селе Семеновском, а собрався хотят идти для воровства», «атаманом же у них быть есаулу Сеньке Белоусову».

«И в том во всем воровстве, — говорится в той же царской грамоте, — на атамана на И. Теслева били нам челом бояре наши, и окольные, и думные люди, и дворяне, и приказные, и всякие чинов люди, и гости, и черных слобод всякие люди». Было принято решение прежде всего захватить самого Теслева. По-видимому, благодаря измене атамана Корякина и нескольких других казаков, которым воздаются в грамоте похвалы и выданы награды за то, что «к воровству ни к какому на Москве не пристали», Теслев был пойман и подвергнут пытке. Характерно, что в данной грамоте, опасаясь гнева рославльских казаков, составители зачеркнули все, говорившее об аресте Теслева, оставив лишь слова, что он «для распросу взят»¹⁰⁷. После того, как у Теслева под пыткой были получены сведения о местах сбора беглых холопов, были сформированы два отряда стрельцов для захвата их на месте. Один, очевидно больший, отряд, предводительствуемый стрелецким головою, был отправлен в село Семеновское, «чтоб холопей боярских переимать и в воровство их не пустить», но голова своей задачи не выполнил, холопей «не поймал», вероятнее всего, получив отпор и не совладав с ними¹⁰⁸. Другой отряд из 100 стрельцов во главе с сотником и подьячим, был направлен за Москву-реку в Голутвину слободу, где стояли казаки Теслева и скрывалась часть беглых людей. Для указания их местонахождения с этим отрядом был отправлен сам

¹⁰⁶ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 76, лл. 14—16. О деятельности Теслева дает представление и другое сыскное дело. Около 20 февраля И. Теслев, есаул Л. Шахов и товарищи «подговорили» бежать от кн. В. Стрешнева пятерых холопов, да от кн. Т. Кутумова — двух, каковы, как и многие другие, поселились за Московской-рекой в Голутвиной слободе во дворах у разных казаков, в том числе люди кн. Кутумова у самого Теслева. 28 февраля один из этих беглых был пойман и 1 марта дал в Разряде показания о местонахождении остальных шестерых (там же, лл. 168—169).

¹⁰⁷ ЦГАДА, Приказный стол, стб. 76, лл. 28—48. Распрос в Разряде свидетелей об ограблении Головина 27 февраля — лл. 11—12.

¹⁰⁸ Там же, л. 38.

Теслев¹⁰⁹. Мы не знаем результата этого похода. Но, во всяком случае, властям удалось расколоть казаков и подавить их сопротивление. В нашем распоряжении челобитная, написанная месяц спустя, 12 апреля 1634 г., из тюрьмы Иваном Теслевым и еще двумя казаками, где перечисляется их служба государю, указываются пленные и трофеи, привезенные ими в Москву, и следуют жалобы: «и нас, государь, на Москве приняли будто мы, холопы твои, подговаривали людей из боярских в воров, и про то нас пытали и, пытав, метали в тюрьму до твоего государева указа, и ныне мы бедные сидим в тюрьме, живот свой мучим, помираем голодной смертью»¹¹⁰. Позже, в государевой грамоте, посланной казакам, в числе важнейших обвинений указывалось, что они «людей боярских с Москвы подговаривали»¹¹¹. В глазах правительства покушение на столицу было едва ли не самым страшным из преступлений.

Московские холопы, поднятые Теслевым, в немалом числе явились к «балашовым казакам». Мы читаем, например, что двое холопов дьяка Ефима Телепнева в расспросе сказали: «В нынешнем в 142 году как приезжал к Москве с языка атаман Ивашко Теслев и они де пристали к тем казакам и с Москвы сбежали с атаманом с Федькою Тулуповым и пришли к казакам в Козельский уезд в Дудинские волости»¹¹². В списках участников движения неоднократно встречаются холопы, бежавшие из Москвы в приезд Теслева¹¹³.

Но кроме индивидуальных примеров мы имеем и засвидетельствованный факт организованного прихода в казацко-крестьянское войско отряда московских холопов. «Да к ним же, государь,— доносил в Москву преемник И. Наумова,— приставают многие люди вновь — с Москвы беглые холопы боярские, из городов стрельцы и казаки и всякие люди. Марта в 20 день пришли с Москвы казаки донские, которые были посланы к тебе ко государю к Москве из Рославля с языка, Семейка Белобородов с товарищи, а с ними новоприборных два атамана Федька Тулупов и Тренка Веселый, а с ними в двух станицах (т. е. двумя отрядами или полками.— *Б. П.*) беглых холопей боярских и из городов стрельцов и казаков и всяких людей под шестью знаменами с пятьсот человек»¹¹⁴. Как видим, соратник И. Теслева, С. Белобородов, на которого непосредственно была возложена задача вывести из села Семеновского собранную там группу московских холопов, успешно выполнил ее. По пути к Козельску холопское ядро обросло еще некоторым числом примкнувших мелких служилых людей из попутных городов.

Это организованное шествие со знаменами московских холопов в стан казацко-крестьянского войска знаменует увеличившееся взаимодействие между классовой борьбой в столице и «балашовским» движением. В то же время оно как бы кладет начало подобному же маршу мятежных отрядов под знаменами к общему центру движения и из других уездов и городов. Начинается новый этап движения, когда оно из казацко-крестьянского становится крестьянско-казацким, когда его социальный характер вполне обнажается, а связь с внешней войной почти полностью утрачивается.

Как бы предвидя неизбежность этого нового этапа, один из членов шведского государственного совета, Фельтхеррен, при обсуждении известия о капитуляции Шеина под Смоленском, высказал мнение, что в России «могут произойти такие же смуты, как прежде»¹¹⁵.

¹⁰⁹ Там же, лл. 6—7 (память сотнику и подьячему).

¹¹⁰ Там же, стб. 69, л. 392.

¹¹¹ Там же, л. 286.

¹¹² Там же, л. 61.

¹¹³ Напр., там же, стб. 80, л. 196 и др.

¹¹⁴ Там же, стб. 76, лл. 97—99, 116—121.

¹¹⁵ «Svenska riksrådets protokoll», d. IV, s. 84.

В настоящей статье не может быть рассмотрен апогей «балашовщины». Он приходится в основном на март — апрель 1634 г. На апрель падают и драматические события в Москве, описанные Олеарием. При зареве пылающих дворянских и боярских поместий и вотчин эти столичные политические события выступают в новом свете. Оно озаряет и появившиеся в эти дни в «верхах» оппозиционные проекты государственных реформ, вроде проекта Ивана Бутурлина, и запечатлевшиеся в сыскных делах грозные беседы московского трудового люда, и пожар Москвы, и казнь Шеина. Вся эта социально-политическая обстановка в целом в свою очередь помогает понять историю русско-польских мирных переговоров, открывшихся 20 апреля на речке Поляновке и протекавших чрезвычайно быстро. А завершение мирных переговоров радикально изменило внутреннюю обстановку в пользу правительства. Последний этап «балашовщины» с середины мая до конца июня 1634 г., это уже эпилог — быстрый распад движения на несовместимые течения, уход части сил на Дон, подавление и наказание остальных. Все это составит предмет другой статьи.

